

Дарья Гущина

ВЕДЬМИНА ТАЙНА

16+

Дарья Гущина

Ведьмина тайна

Серия «Ведь мы – ведьмы!», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55893374

SelfPub; 2020

Аннотация

Рада работает журналистом в мистическом журнале «ЭкзоТерра». В «магию» экстрасенсов она не верит, но верит в магию вообще и мечтает заняться исследованием реального мистического случая. И он появляется. В старой книге Рада находит странное письмо, а во сне встречается с ведьмой, его написавшей, – проклятой, угодившей в западню.

А после в реальный мир Рады врывается магия. Нечисть. Предсказания. Колдун-заклинатель. И – нападения. И если проклятая мечтает о помощи, то кое-кто против, чтобы о тайне её исчезновения узнал магический мир.

Раде предстоит пройти нелёгкий путь, чтобы раскрыть ведьмину тайну. Ведь в азарте поиска она забыла о главном: у мечты две стороны – светлая и тёмная. И вторая грозит смертельной опасностью тому, кто сунул нос в чужое дело.

Четвёртая книга цикла.

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Письма из прошлого	10
Конец ознакомительного фрагмента.	118

*Да разве плохо верить во всё тайное?
В иллюзию, в сказку, в таинственный мир?..
Ведь это же, в сущности, самое поэтическое,
может быть, самое главное в жизни...
Вячеслав Шишков «Угрюм-река»*

Пролог

...Она сидела на скамейке, невидяще глядя перед собой. Дрожащие руки сжимали пухлую, лежащую на коленях папку. Шелестела плакучая берёза, небо хмурилось, и в отдалённых грозовых раскатах слышалось недавнее и насмешливое: «Вы всё выдумали. Ваша работа гроша ломаного не стоит. Найдите более приземлённую тему для защиты. Более... доказательную. Основанную не на домыслах, а на фактах».

Мимо пролетела бабочка-капустница и, покружив над дорогой, опустилась на ближайший одуванчик. Сидящая на скамейке девушка невольно подалась вперед, любуясь насекомым.

Бабочка... И – «бабочка», древнейшая и загадочная нечисть, исчезнувшая – нет, безжалостно истреблённая ещё стародавними ведьмами. Она изучала «бабочек» пять лет, раскапывая такие сведения, о которых не знали даже старшие ведьмы, и нашла следы – живые следы их пребывания в современном мире. И доказательства того, что не всех «бабочек» истребили. И полчаса назад на защите она с жаром рассказывала, объясняла, приводила примеры... Но учёный совет во главе с ведьмой-председательницей лишь посмеялся. Посмеялся, унизил и выставил вон – ещё на пять лет. Целых пять лет работы – псу под хвост...

Девушка опустила глаза и уныло потерела края папки.

У людей в смысле защиты... всё правильно. Сначала – обсуждение темы с преподавателем и её утверждение, а потом – исследования, изыскания, написание. У ведьм иначе: находишь тему, копаешь, собираешь пару тонн дневниковых записей – где был, что нашёл, как узнал, какие выводы сделал. А по окончании подаёшь заявку в ведьмин Круг, и в назначенное время тебя вызывают. И испытывают, проверяют... Выдержишь и докажешь профпригодность – примут в Круг на испытательный срок. А нет... Иди на все четыре стороны. Хочешь – бери новую тему и копай, нет – занимайся своими делами на периферии. Только истинную силу не свети. Не должно людям знать, что известные экстрасенсы – это лишь верхушка айсберга: те, в ком слишком мало колдовских сил, чтобы заниматься серьёзной работой.

Работой... Девушка посмотрела на папку с отвращением. Действительно, раз решила работать с нечистью, взяла бы тему попроще – про «пауков» или «кошек». И пусть они изучены на девяносто процентов – зато пять лет работы не зря... Поддавшись порыву злости, она отшвырнула папку и резко встала. Исписанные неряшливо-невнятным почерком листы рассыпались по колючему гравию, жалобно зашелестели на ветру. Словно опавшие древесные листья – ненужные, отжившие своё. Жалко... И хочется бережно собрать труд в папку, и... бесит до нервной дрожи.

Молодая ведьма оправила длинную чёрную юбку и посмотрела на разбросанные листы. Мама учила: не отступай,

доказывай, не сдавайся, не будь, как все... А что в итоге? Сначала брат пошёл своей дорогой, не «как все», и до сих пор выбирается из неприятностей и ищет себе применение, а теперь и ей досталось... Девушка поджала дрожащие губы. Жарко. Душно. И в воздухе... и внутри. Обидно. Горько. Или будь как все – и встраивайся в систему, или иди своим путём... и иди один, никому не нужный. Кроме самого себя.

Кроме себя...

Записи шелестели на ветру, воздух пах летней грозой, над тенистой аллеей сплетали густые ветви старые берёзы. Девушка заправила за ухо светлый локон и подхватила со скамейки сумку. Отёрла слёзы и посмотрела на разбросанные бумажные листы – внимательно и задумчиво.

Третьего, конечно же, не дано... Или – или. И выбирать-то не из чего, ведь выбор давно сделан. Идти своим путём. Дальше. И доказать проклятым пересмешницам собственную правоту. Для себя. И для дела. «Бабочки» – нечисть крайне опасная, и сейчас, с потерянными в давней охоте на ведьм знаниями стародавних, она опаснее даже бесов. Если позволить ей возродить популяцию, мир людей так потряхнет, а мир ведьм и заклинателей так огребёт... Да, дело – и для пользы, и для души.

Вздохнув, молодая ведьма решительно расправила плечи. А записи... не нужны. Она и так наизусть помнит каждую строчку – и исследовательской работы, и защитной речи. Но они ещё могут сослужить службу. Даже увядшие осенние ли-

стья приносят пользу. И защитная речь...

– Летите, – прошептала девушка и сдула с ладони заклятье. – Ищите добрую душу. Того, кто поймёт – кто *захочет* понять. Кто разберётся. Кто умеет искать и не сдаваться. Найдите нужные руки... если мне понадобится помощь. Чтобы узнали. Чтобы нашли. Чтобы помогли. Летите!

Ветер захлопал бумажными крыльями, с шуршанием подхватываясь с гравийной дорожки и устремляясь ввысь, к хмурому небу. И ведьма тихо повторила им вслед:

– Летите...

Если бы ей поверили, она бы не стала так рисковать. И в глубине души надеялась изучать тайны объявившихся «бабочек» под присмотром опытной наставницы, но... Просить Круг о помощи бессмысленно. Опять высмеют. Теперь за помощью и наставничеством можно обратиться лишь к тем, кто давно идёт своим путём и знает больше ведьм Круга – к отступникам. Или, сводя риск к минимуму, к бывшим отступникам. И у неё есть чем заплатить за помощь. И пропади всё пропадом. Живём один раз, и не для выдающихся ли дел? Да, рискованных. Но... стоящих. И тайна появления «бабочек» стоит риска.

Снова загрохотал гром. Тревожно закачались на ветру берёзовые ветви, упали первые дождевые капли. На опустевшей парковой тропе осталась лишь старая серая папка с потрёпанными завязками и крупной типографской надписью «Дело №» и неряшливо дописанными «1», «бабочки», «за-

щита» и витиеватой подписью-именем.

Впрочем, на тропе она лежала недолго.

– Ох уж эти учёные... – качнула головой пожилая женщина, поднимая папку. Прочитала и заворчала: – Бабочки... Эти... этимологи доморощенные, и всего-то у них много, и времени, и денег, добром-то разбрасываться... – Она повертела в руках папку, отряхнула её и бережно спрятала в потрёпанный портфель.

И поковыляла прочь, вполголоса ругая то «бабочковых» учёных, то «погодных», умолчавших о грозе. Ветер тревожно шуршал мелким гравием, прятался в древесных кронах. И лишь он знал о том, что молодая ведьма уже ступила на тропу беды – одна заговоренная бумажка попала по назначению.

Маленький лешак, обитающий в парке и доселе притворявшийся берёзовой веткой, сжимал в сучковатых лапках исписанный лист и не знал, что с ним делать.

Часть 1: Письма из прошлого

Глава 1

Если хочешь, чтобы волшебство вошло в твою жизнь, откажись от своих защитных приспособлений.

Ричард Бах «Мост через вечность»

« – И последний вопрос – магия существует?

– Несомненно. И дело даже не во внешних её проявлениях вроде любимых писателями-фантастами огненных шаров или ледяных молний. Заклинания и проклятья – разумеется, выдумки, которые приукрашивают текст и наполняют фантастику красивыми деталями и картинками. Магия нашего мира – иного толка. Это вера, спасающая от отчаяния. Это совпадения и случайности, которые сводят совершенно незнакомых и разных людей и становятся началом доверия, дружбы и любви. Это, в конце концов, солнечный свет, чьи лучи поутру будят вас и дарят отличное настроение. Конечно, магия существует. И имеющий глаза да увидит».

Я с облегчением поставила точку в последнем предложении, выключила диктофон и сняла наушники. Быстро пробежалась по тексту, подбирая опечатки, и сохранила документ в корректорской папке. Всё, мавр сделал своё дело, добавив развлечения выпускающей бригаде в лице взмыленного корректора, очумелого версталщика и всегда потрясаю-

ще энергичной и бодрой редакторши.

Шефа, как обычно, бегала по офису из кабинета в кабинет, громко стуча каблуками и повторяя волшебное слово «дедлайн», вернее: «Шустрее, мля, дедлайн!..» Но меня оно уже не касается.

Каблуки шефы замолчали на пороге журналистского кабинета, сменившись громогласным:

– Рада, где фотки?

Ой... Я очнулась и полезла в сумку за фотоаппаратом.

– Завтра в десять утра планёрка, – напомнила она вредно.

Завтра – суббота!..

– Помню, – я вытащила из фотоаппарата карту памяти, пробурчав: – Только смысл приходить...

У начальницы был отличный слух на то, что слышать необязательно.

– Не поняла... – протянула она многозначительно.

Я сглотнула. Ну-с... Давно же хотела пожаловаться... И, опустив глаза, я пробормотала:

– Опять мне достанется самое сложное, стрёмное и нервное...

...о котором надо неделю договариваться, а потом гонять по деревням да пригородам, убивая все выходные на дорогу и писанину. И таких заданий – штук пять на две недели. А заплатят – как тем, кто сидит в офисе и рерайтит, тупо переписывая на свой лад найденное в интернете.

– А разве тебя заставляют брать неудобные темы? – шефа

удивилась очень искренне. Даже про дедлайн забыла.

Я кашлянула, с интересом изучая клавиатуру. Как объяснить-то, что когда на планёрке все молчат, а на тебя поверх модных очков в упор смотрят строгие начальственные глаза, отказаться невозможно? А уж когда строгий взгляд дополняется съёмной квартирой, нестабильным гонорарным заработком и перманентной дырой в кармане...

– Рада? – вкрадчиво напомнила о себе шефа.

Я струсила. Снова. Пять лет здесь работаю (не считая двух лет практики), штатный сотрудник, но когда нужно заявить о своих правах, только испуганно заикаюсь. Видно, вся наглость, без которой журналисту не состояться, уходит на окучивание клиентов... Да и редакторша, Виталина Марковна, подавляла одним своим присутствием. Высоченная – за метр восемьдесят плюс каблуки плюс пепельный шиньон, габаритная – бывшая волейболистка. Нет, это, конечно, мою трусость не оправдывает, но...

– Да так... – пробормотала я смущённо. – Устала просто, два месяца без выходных...

И вот тут-то намекнуть бы на недельку отгула... Ну, на два-три дня хотя бы. Журнал выходит раз в две недели, и первые пять рабочих дней журналисты пинают балду – сидят в соцсетях, обсуждают тряпки и праздники, сплетничают в курилке. А в пятницу, ровно за неделю до сакраментального дедлайна, в кабинет заходит Виталина Марковна, изучает наши вытянувшиеся лица и многозначительно говорит: «Ну

и-и-и?...» И работа закипает.

– Иди домой, – смиростивилась шефа, наконец перестав сверлить меня требовательным взглядом. – Завтра на планёрке поговорим, – и, прихватив флеш-карту, энергично уцокала в кабинет верстальщика.

Я уныло посмотрела ей вслед. С восьми утра на ногах – и откуда столько сил?.. И лёгкая походка, и идеальный макияж, и на юбке с блузкой – ни пылинки, ни складочки... Спортивное прошлое или удачный новый любовник? Ай, ладно. Домой и спать.

Собрав сумку и спрятав в тумбочку редакционную технику, я выключила компьютер, оправила платье и пошла на выход. Длинный коридор, вестибюль с красочным баннером «ЭкзоТерра» – ваш путеводитель по мистическому миру!» и лифт. Нажав на кнопку вызова, я устало прислонилась к стенке. В одном сегодня повезло – собеседник попался приятный. Обычно приходилось общаться с напыщенными колдунами-экстрасенсами или чокнутыми гадалками, которые находили на мне то порчу, то венец безбрачия, то ещё какую-нибудь дрянь. Само собой, мифическую. Профдеформация в чистом виде. Если не предскажешь гадость даже журналисту – день прошёл зря. А сегодня с утра был чудесный дядечка-парапсихолог, изучающий колдовскую братию. Мы и косточки «чародеям» перемыли, и посмеялись, и интервью получилось хорошее.

В лифте я опять обругала себя за трусость и бесхребет-

ность. Мрачно посмотрела в зеркало, пригладила тёмно-русую «лесенку», торчащую во все стороны, и скривилась. Типичный офисный планктон. Устало-зашуганное выражение серо-зелёных глаз, бледная, несмотря на середину солнечного лета, морда лица, строгое бежевое платье-футляр с юбкой по колено – у шефы был бзик по дресс-коду. Спасибо, что из-за жары колготы отменила... Но каблуки требовала. Особенно с меня. Смотрела сверху вниз и зычно кричала: «Рада, ещё десять сантиметров, а то ж тебя не видно!» А шиш. Пять – максимум, и то в офис, тайно заначив в сумке балетки. Побегала я однажды после дождя по садам-огородам одной деревенской знахарки на десятисантиметровых «шпильках», вернее, босиком да по поздней весне...

Спустившись на первый этаж, я кивнула охраннику и вышла из подъезда на улицу. Пять минут ходьбы, десять остановок на троллейбусе – и я почти дома... Или – час пешком. Заодно и до бук-кроссинга наконец доберусь, а то свихнусь скоро на текстах о паранормальном.

Движения в моей работе хватало, но – хоть на обычных людей посмотрю. Вот же где она скрывается, жизнь. В беготне по магазинам перед «загородными» выходными. И в километровых пробках и сигналиющих машинах, рвущихся на дачи и пляжи. Пыльный город, разомлевший от жары, дремлющий пять рабочих дней, по пятничным вечерам просыпался, стряхивая сонливость, и мчался вперёд, убегая от самого себя.

Я перешла через дорогу к остановке, терпеливо отстояла очередь в киоск за мороженым и, уплетая «Фруктовый лёд», отправилась к парку. Там, в тени старых плакучих берёз, у дальнего входа, стоял шкафчик, куда приносили ненужные книги. Чаще всего одноразовые детективы или современные любовные романы, но иногда и классика попадалась. А мне, имеющей в наличии съёмную квартиру, чрезмерно обраться книгами не с руки.

Дверца шкафчика – склада ненужных книг – была призывно приоткрыта. Додумались же... Притащили в центральный парк старинный сервант с покосившимися дверцами, треснутыми стеклами и скрипучими ящиками, построив его в тени берёз. И дополнив «композицию» двумя креслами – массивными, продавленными и неудобными, но атмосферными. Осенью шкафчик, припорошенный жёлтой листвой, смотрелся особенно креативно, и у него постоянно толпились с фотоаппаратами туристы, ролевики в бальных платьях и бронированных корсетах да прочие брачующиеся. А сейчас – никого.

Так, Донцова, Шилова, Бушков... Пушкин. Я сняла с полки потрёпанный тёмно-коричневый томик, заглянув за обложку. Сказки. И на сто двадцать третий раз с удовольствием прочитаю про дуб и Лукоморье, да. Сунув книгу в сумку, я мельком глянула на остальные и осторожно прикрыла дверцу шкафчика. Сервант украшал сквер уже третий год, и народ с тех пор спорил, когда он развалится от сырости и

опередит ли кресла. Но шкаф всем назло гордо чернел из-под низких берёзовых ветвей, что наводило особо впечатлительных на восторженное «заколдованный...» И всё может быть...

Зазвонил телефон. Я достала мобильник, посмотрела на номер и сбросила вызов. Бывший. Стандартно звонил по пятницам и жаждал общения. И иногда я тоже этого хотела. А потом вспоминала, почему мы расстались, и сбрасывала звонок. Всем он был неплох... кроме того, что ненавидел мою работу и обожал командовать. А я без статей и интервью не представляла жизни. И любила самостоятельность. Сидеть в офисе среди скучных и постных рож коллег? Или варить дома борщи? Нет уж.

Я с детства мечтала о журналистике, и отнюдь не о «культурной» или «социальной». Но «криминальной» боялась, в «экономической» и «политической» ничего не смыслила, и экшеновое «колдовство» меня вполне устраивало. Ещё бы выходные иногда случались... но это фантастика. И сойтись с бывшим во взглядах на совместную жизнь – тоже. В своё время мы здорово друг друга выручили: он меня – с жилплощадью, пока я училась и набиралась опыта, а я его – с почти бесплатной раскруткой «квестового» бизнеса через дружеские и редакционные связи.

Без сожаления отключив телефон, я неспешно побрела домой. Да, наверно, для этого мы и встретились. А потом «выручка» исчерпала себя, а подходящей замены ей сходу

не нашлось. А к счастью или нет, я определиться не могла. Это всегда зависело от количества денег на счету и степенью хронической усталости с депрессивным *«всёдостало»*. Пока первого было стабильно мало... и второго тоже. Наверно, когда второго будет много... но при моей работе это снова фантастика. С колдунами не соскучишься.

По дороге я заглянула в магазин и отстояла ещё одну очередь – на сей раз из припозднившихся «шашлычников». Расплатилась за «сухой паёк» занятого человека (молоко, блины, пельмени...) и направилась домой. Я, конечно, иногда готовила – мама вбила привычку питаться «правильно», – но чаще обходилась субпродуктами. А то приготовишь, уедешь на день в деревню к знахарке и застрянешь там на неделю, конспектируя бесконечные истории про наговоры, призраков и чупокабр. Надоело выбрасывать пропавшее.

Июльский город тонул в горячем закатном золоте – густом, липком и тягучем, как подтаявшая карамель. В пыльном воздухе, наполненном шумом машин и радостным гомоном сбегających на дачи людей, лениво, точно медузы на мелководье, плыли крупные хлопья тополиного пуха. Суровые монументальные «сталинки», выстроившиеся вдоль гудящего проспекта, совершенно не давали тени, как и обрезанные, едва опушившиеся шарики тополей. И заходящее солнце жарило, иссушало, выпивало последние силы. Невыносимый зной стоял уже почти месяц, и никакого намёка на дождь...

До дома я дошла, обливаясь потом и жалея, что не выбрала троллейбус. Ненавижу городскую жару – вообще дышать нечем... Свернув меж двух «сталинок» в свой проулок, я пересекла детскую площадку и с облегчением нырнула в тень дома. Ура... Душ, холодный чай и спать. Завтра... планёрка.

Заползти на четвёртый этаж, нащарить в забитой блокнотами сумке ключи и зайти в душную квартиру – дело десяти минут. Длинный коридор с обшарпанными обоями, буквой «г» уводящий на кухню, и единственная комната с разрисованными стенами. Собственно, из-за обшарпанности и рисунков мне и сдали хату недорого. Очень недорого.

Поставив пакет на пол и разувшись, я заглянула в комнату и привычно поздоровалась:

– Привет, бабуля.

Злющая Баба-Яга, намалёванная поверх старых светлых обоев, гордо промолчала. Огромный нос картошкой, крохотные глазки-жуки, лицо – печёное яблоко, острый щетинистый подбородок, сухо поджатые губы, сгорбленная фигура, лохмотья платья, тёмная косынка, повязанная «ушками» над шишковатым лбом. И, само собой, метла, которой бабка замахивалась на некоего невидимку. А рядом – и избушка на курьих ножках, и дуб с чёрным котом и русалкой, и сундук с яйцом Кощея, и царевна-лягушка с золотой стрелой в пасти, и пенёк-лёший.

Яркое и красочное Лукоморье – на всю стену. Внуки хозяйки рисовали. А потом дочь забрала её к себе, а квартиру

сдали – не сразу из-за страшной Яги. Но да я не привередливая. Заодно заверила хозяев, что мне вполне хватит пары комодов и дивана с креслом – большую часть древней бабушкиной мебели разобрали и выбросили. Всё равно я здесь только вещи храню и сплю. Сезонное – под диваном, повседневное – в комодах и на кресле...

Стянув под подозрительным взглядом бабки платье, я строго заметила:

– Не подглядывай! – и ушла в душ.

Не помню, когда обзавелась привычкой беседовать с Ягой. Она, изображённая в человеческий рост, казалась такой живой и натуральной, что миг – и шагнёт со стены на пол. Но это, конечно, фантастика. А своим тараканам надо давать волю хоть по мелочи, чтобы они не сходили с ума в рамках бесконечных «надо».

Ну и по дому очень скучаю, по семье, живущей в другом городе... по бабуле-ведьме и деду-колдуну. Родители-то обычные, а вот бабуля – гадалка. Третий год я пытаюсь раскрутить её на интервью, но она не даёт. Смеётся только: дескать, нашла ведьму – одними травками да наговорами балуюсь... Но я-то помню, как она меня в детстве лечила: за температуру, а бабуля по головке погладит, на ночь поцелует, и утром просыпаюсь – хвори и в помине нет. А дед мысли читает, и ничего от него не скроешь.

Помню, лет в десять я спросила с надеждой, не наследуется ли магия. И тогда-то мне и раскрыли «страшную» семей-

ную тайну: мой папа – не родной их сын, а приёмный. Я расстроилась, но не из-за крови, очень уж любила дедов, а из-за «ненаследственности» силы. И особенно в юности переживала, когда симпатичного парня приворожить хотелось или мысли преподавателя на экзамене прочитать, чтобы билеты не зубрить. А потом поработала с оравой колдунов, магов, чародеев, шаманов, ведьм, ведуний, ворожей и прочих экстрасенсов да решила: ой, ну её, магию эту. Человеком быть спокойнее. Призраки не шастают, озабоченные «проклятьями» придурки жить не мешают...

После душа я переоделась в домашнее, разобрала покупки и настрогала салат, обдумывая простейший план на завтра – редакционный слёт и, если повезёт, хотя бы не очередная командировка в очередную глушь. Шефа страсть как любила нарыть древнюю ведьму в деревеньке-три-дома за пятьсот километров от города и заслать меня туда. Хорошо, разрешала подсобный материал собирать в отдельные статьи да командировочные хорошие платила. И где она только брала всех этих «ведьм»...

Пужинав, я с чувством выполненного долга растеклась по дивану, вооружившись сказками Пушкина. Яга наблюдала за мной с привычным подозрением. Я качнула головой и заметила:

– Вслух читать не буду, извини. Устала.

Бабка наградила меня очередным хмурым взглядом, и засим «дискуссия» сошла на нет. Я уткнулась в «Руслана и

Людмилу» и через пять минут уплыла в мир сказки. Ровно до десятой страницы, где нашёлся сложенный гармошкой лист формата А3. Которого прежде в книге не было... или мне реально пора в отпуск, раз упускаю столь очевидные вещи.

Я села, положила томик на колени и аккуратно расправила находку. Порой люди отдают книги, не проверяя их содержимое, а прежние читатели прячут в них и деньги, и дневниковые заметки, и понравившиеся цитаты, и рецепты, и второпях написанные стихи. И иногда попадались весьма занимательные записи. Я даже одно время их собирала – просто так, из чувства коллекционирования, присущего всем людям. Слишком часто попадались – жаль выбрасывать. И они до сих пор ездят со мной, сложенные в старую папку, найденную в первой съемной хате.

С развёрнутого листа на книгу ссыпалась мелкая труха, пахнувшая сушёными берёзовыми листьями. Чернила выцвели, став бледно-серыми, а почерк – такой страшный... Даже моя мама-врач писала разборчивей. Прищурившись, я с трудом разобрала несколько слов – «работа», «цель» (или всё же «цепь»), «три года», «бабочки»... Слово-заголовок явно означало «введение». Видать, в какую-то научную работу. По бабочкам.

Я прищурилась. Однако – почерк. Он показался странно знакомым. Несмотря на уйму модных девайсов, журналисты по старинке пользовались блокнотами, а на стажировке мне постоянно приходилось расшифровывать чужие записи – и

диктофонные, и бумажные. И память на почерки выработалась отменная. Где-то я видела подобные каракули. На одной такой же забытой в книге странице с заметками?..

Поборов лень и расслабленность, я встала и пошла к комоду. В среднем ящике хранились бумаги – диплом, рабочие договоры и горы блокнотов с привезёнными из командировок описаниями символов, ритуалов и прочего. Который год собираюсь разобрать информацию и сделать цикл статей... но на праздничных каникулах я всегда уезжаю отдыхать в родной город, к семье, а потом руки не доходят.

Папка нашлась под блокнотами, но открывать её я не стала. Неряшливый почерк на папке – абсолютно нечитабельные имя и дата, трудноразличимое слово «бабочки» – один в один с тем, что на альбомной странице. Бывают же совпадения... Повертев лист и с трудом разобрав ещё несколько слов научной направленности, я убрала находку в папку, а папку – в ящик комода. Забавно. Будет время – постараюсь прочитать. Хотя – кого я обманываю? Свободное время – да, это фантастика. Снова. В моей жизни её навалом и без колдунов.

На кухне я отряхнула книгу над мусорным ведром, налила воды и, зевая, отправилась обратно – в комнату и в постель. Переставить будильник на попозже – и до утра меня нет.

– Доброй ночи, – я улыбнулась Яге и выключила свет.

Улеглась, уткнулась лицом в подушку и мгновенно вырубилась.

Чтобы сразу проснуться – от странного звука. Сев, я огляделась, но ничего не увидела – вокруг меня плотным кольцом сомкнулась тьма. В которой не было ничего, кроме... Я шевельнулась и услышала. То, что меня разбудило. Шорох сминаемой страницы. И внутренне я сразу угадала – страницы научной работы про бабочек. Сейчас она находилась не в папке, а в моей руке.

Я невольно сжалась, прислушиваясь к шороху. И к себе. После безумных басен «колдунов» мне всякое снилось, в основном мрачное и тревожное. А в этом сне – так тихо. Уютно. Спокойно. Я не относилась к особо верующим, но после всевозможных интервью по бабушкиному совету научилась отгонять кошмары молитвами. А сейчас я лишь коснулась свободной рукой старого крестика и сжала тёплую цепочку. Боже, пронеси мимо очередной дряни...

На полу вспыхнули свечи – одна за другой, ярко, тепло, дружелюбно. Заклячая меня в круг. В первый. Во второй. В третий. А потом свет устремился к потолку... нет, к небу. Я подняла голову, наблюдая за каскадно вспыхивающими рядами свечей, и увидела Млечный путь – густую молочно-белую тропу, обрамленную мириадами сияющих звёзд.

...а куда подевались квартира и диван? Откуда взялся ровный земляной пол? А важно ли это?

Каскадная стена из свечей выстроилась мини-амфитеатром, поднялась выше моего роста. Золотистые язычки дрожали, колебались, и на секунду почудилось, что из огня на

меня кто-то смотрит – десятками любопытных тёплых глаз. И, наверно, чего-то хочет.

Я села по-турецки, расправив смятый лист. Удивительно осязаемый сон – настоящий до дрожи... Мне снились подобные при сильной болезни с высокой температурой. Дико явные и натуральные. Просыпаешься после них, спрашиваешь у близких – случилось ли это, а на тебя смотрят как на идиота. Или просто больного. Мол, нет, всё привиделось. И я снова выдохнула. Да, и теперь «видится»...

Язычки пламени шевельнулись, и я пропустила момент, когда в круге появилась... женщина. Она словно из густого мрака соткалась, ветром просочившись в освещённый круг. Длинное чёрное платье, светлые волосы по плечам, руки, сложенные на груди – и сразу бросилась в глаза ослепительная белизна кожи. А лицо я, как ни шурилась, не рассмотрела. Оно терялось в густой тени широкополой шляпы, и я ощущала лишь взгляд – изучающий, тяжёлый. Свысока... и с высоты – даже когда я встала ей навстречу. Пришелица была ростом едва ли не с мою шефу. И тоже отличалась самомнением.

– Кто ты? – хриплый голос.

Вообще-то это мои вопросы, подумалось сразу, но я ответила:

– Рада.

– Чему рада? – удивилась она.

Я хмыкнула, расслабляясь. Подобные случаи случались

постоянно.

– Зовут меня так, – пояснила я терпеливо. – Радой.

– Ведьма? – продолжила деловитый допрос незнакомка.

– Н-нет, – я насторожилась. – Журналист.

– Человек? – её голос задрожал от досады. – Без «угля»?

Даже не наказанная?

– Без чего? – удивилась в свою очередь. – А зачем мне уголь? Мы в современном мире живем, с электриче...

– «Уголь», – сердито перебила женщина, – это средоточие ведьминой силы! Сердце магического дара! А у тебя его нет!

Я невольно попятилась. Мощь её сердитого разочарования была наотмашь хлесткой пощёчиной. Пламя свечей взметнулось к небесам и заискрило, затрещало, зачатило едким дымом. Но, к счастью, гнев незнакомки иссяк быстро. Огонь успокоился, а она ссутулилась и сдавленно прошептала:

– Господи, за что мне это... Что же за невезенье-то... Неудача с работой, западня, а теперь ещё и человек... Господи, в чём я так согрешила?..

Я собралась с духом и предложила:

– Но ведь и я могу помочь... Что за западня?

– Ты? – устало передёрнула плечами женщина. – Не лезь в это дело, девочка. Не надо. Ты – человек. Ты не веришь в магию, – и она подалась вперёд, коснулась кончиками горячих пальцев моей щеки. – Да, ты работаешь. Вижу, где, – взор из-под шляпы обжигал, и появились глаза – жёлтые огоньки

двух свечей в крошечной тьме. – Но все твои собеседники – шелуха. Сброд, возомнивший себя великими чародеями. Настоящих... ты не заметила. Да, были двое, – огоньки прищурились, – но ты не поняла, что перед тобой *настоящее*. Не отличила оригинал от подделки.

– Кто? – во мне разыграл журналистский интерес.

– Неважно, – она качнула головой. – Важно, что ты не поняла. Если обычные люди проникают в тайны нашего мира... Им стирают память – иногда лишь об узнанном, а иногда всю. Не рискуй, Рада. Ты – нелепая случайность. Выброси письмо. И забудь о нём, пока за тебя не взялись. Пока о тебе никто не узнал. Сделаешь?

– Но...

– Сделай, – попросила незнакомка. – Моё письмо нашло тебя – а оно искало отзывчивого, чуткого, доброго сердцем. Я не хочу быть причиной твоих бед. И верю, что в этом мире ещё остались равнодушные... ведьмы. Или колдуны. Я найду к ним путь. Подожду, если надо. Пять лет жду – и ещё потерплю. А ты живи своей жизнью. Хорошо?

Её хриплый голос обволакивал теплом, а круг свечей сжался до ощущения горячего жара за спиной.

– Сделаешь? – повторила женщина настойчиво.

– А если... передать письмо? – придумала я, не желая отступать. В кои-то веки – настоящее мистическое приключение... кажется. – Если найти других, настоящих, и...

– Нет, ничего не выйдет, – незнакомка снова качнула го-

ловой. – Письма работают лишь в руках тех, кого они нашли. Сами. Просто выброси. Прощай, Рада. Прости за причинённые неудобства.

И она исчезла. Резко и одновременно погасли свечи, и женщина растворилась во мраке, оставив после себя лишь ощущение ожога на щеке да нервно смятый в кулаке лист послания. Я осторожно села на пол, прислушалась – и услышала. Надрывный звон – противный донельзя. Конечно же, утро. Будильник по ту сторону реальности орал, как потерпевший. Закрыв глаза, я вдохнула-выдохнула, расслабилась – и проснулась.

Первым делом я отключила телефон. Тряхнула головой, разгоняя дрёму, и поняла, что не спала. Словно не спала. Посмотрела на хмурую Ягу и перевела взгляд на сжатое в кулаке письмо. Ну и ну... Щека, которой касалась незнакомка, горела, и, выпутавшись из простыни, я метнулась в коридор. Отвела с лица волосы и посмотрела в зеркало. На левой скуле отчетливо выделялись пунцовые ожоговые полосы. При-
снилась, называется...

Вернувшись в комнату, я села на диван и расправила письмо, детально восстанавливая в памяти разговор и ничуть не сомневаясь, что эта встреча во сне – реальность. Внезапная, необъяснимая, мистическая, но случившаяся. Ибо...

Я не верю в ту магию, которую показывают по телевизору и о которой пишут тонны фантастики, но верю в то, что она есть. И все современные колдуны и ведьмы делятся на тех,

кто хочет ими быть, но не может, и тех, кто может ими быть, но не хочет. Первые давали интервью с удовольствием, взахлёб рассказывая о собственной «силе». Вторые шли на контакт с неохотой, говорили осторожно и с оглядкой, взвешивая каждое слово. Первые из всех сил хотели быть причисленными к «лику» магов, а вторые боялись, что об их способностях узнают больше положенного.

И, да, кажется, я знаю этих двоих – настоящих. Не первый год работаю.

Повертев в руках послание и посомневавшись, я всё же выполнила просьбу – открыла окно и выбросила письмо. И с сожалением смотрела за его полётом, пока шальной ветер не утащил бумагу на крышу. В кои-то веки посетило нескучное волшебное приключение – с настоящей ведьмой, с силой, о которой я давно мечтала узнать... Да, и в тайную силу тоже верю. Мы бегаем по порочному кругу «дом – работа – магазин – дом» и не видим дальше собственного носа. И не дано увидеть, и наверняка прячут. Но она есть. Не может не быть. Иначе мои тараканы против.

Снова зазвонил телефон – второй будильник. Отключив его и удивляясь собственной бодрости, я умылась, перекусила блинчиками и вчерашним салатом, выпила кофе. По погоде обещали за плюс тридцать, но выходной, хоть и на планёрке – это выходной, и я нарядилась в короткий лёгкий сарафан. Накрасилась, слегка припудрила ожоги и вздохнула над туалетной водой. У шефы дикая аллергия на любой пар-

фюм, и на разноцветную коллекцию флаконов мне оставалось только любоваться.

– Ну, до вечера, – попрощалась я с Ягой.

Обулась, подхватила сумку и зашарила в ней, ища ключи. Но первым под руку подвернулся знакомый, скромно сложенный гармошкой альбомный лист. Развернув его, я нервно хмыкнула.

Как говаривала моя бабуля, всё страньше и страньше...

Глава 2

– *А драконы существуют?* – шёпотом спросила девочка.

– *Конечно! Они определённо водятся в книгах на верхней полке.*

Надея Ясминска «Чудеса на кончике хвоста»

На работу я шла медленно. Знала, что опаздываю, но не могла заставить себя идти быстрее. Я размышляла. В сотый раз прокручивала сон и утреннее чудо и понимала – судьба. Я ждала такого случая... наверно, всю жизнь. Но бабушка-ведьма отказывалась творить чудеса, дед только посмеивался и шурился загадочно, а все интервьюируемые... Да, верно незнакомка заметила, они – «шелуха». Ничего интересного. Даже сглаза, которым грозили недовольные статьей. Даже сбывшегося предсказания, самого простейшего. Но я верила, что дождусь. И вот, когда заработалась так, что устала верить и ждать... Всё, по известному афоризму, сбывает-

ся, надо только расхотеть.

Город уже проснулся – или вообще не засыпал с пятницы. Шумели машины, хлопали двери магазинов, с телефонами в руках спешили по делам прохожие, пыльным ветром расползался по улицам летний зной. А мне впервые не хотелось на работу. Переступлю редакционный порог – и ощущение волшебства сразу прикажет долго жить, погребённое под горой «надо» от Виталины Марковны. И выйду я из редакции уже без крыльев, посчитав вернувшееся письмо обыденностью. Мало того, что с прошлых планёрок тьма заданий... А не отгородиться ли ими от новых, кстати? Что у меня на повестке дня из последних актуальных дел?..

Но пока я шла – крылья несли. И руки чесались заняться этим делом – помочь попавшей в беду незнакомке. Ведь найти настоящую ведьму и рассказать о приснившейся я смогу. Да, переберу внимательно старые интервью, отделию зёрна от плевел – проверю на всякий случай... И напишу после сумасшедшую статью – как нашла, как помогла... И пусть шефа её потом зарубит как выдумку. У нас, людей, всё так. В чупакабр и НЛО верим, а в магию – нет. Ни первого, ни второго, ни третьего в глаза не видели, но поди ж ты. Как телепиар расставил приоритеты... А может, и не зря именно так и расставил, скрывая истинные чудеса.

На работе я впервые проигнорировала строгий и порицающий взор шефы из-за модных красных очков. Даже два взгляда. Один – из-за опоздания на полминуты, второй – из-

за сарафана. Заглянув в конференц-зал, где у интерактивной доски, вооружённая распечатками и длинной рыжей лентой, царила Виталина Марковна, и обнаружив лишь одно свободное место в углу, я мышью прошмыгнула мимо коллег и уселась на стул.

Шефа, наградив меня третьим красноречивым взглядом, начала вещать. Новые темы на следующий номер, подбор «хвостов» по старым заданиям, статистика продаж «киосочной» розницы, ежемесячной подписки и опта, нагоняй рекламщикам, пистон журналистам... И всё это было так обыденно и угнетающе скучно... Слишком... предательски по отношению к ночной гостье. Что из того, о чем вдохновенно вещает Виталина Марковна, я ещё не слышала, за семь-то лет под её началом?..

Я достала блокнот с ручкой и погрузилась в ночное волшебство. Детально описала сон, перечитала и задала себе несколько насущных вопросов:

+ как пять лет в некой «западне» женщина обходилась без еды-воды?

+ как не тронулась умом в ожидании подмоги?

+ а если я имею дело с сумасшедшей... то стоит ли иметь с ней дело?

+ и если искать, то с чего начинать? При следующей «встрече» во сне поставить её перед фактом и требовать объяснения?

– Рада?

– У меня оборотень, – рассеянно отозвалась я, отмечая в блокноте цель номер один: сходить к женщине, у которой я полгода назад снимала комнату и нашла ту самую папку с «бабочками».

– Не поняла... – в эти два слова шефа всегда ухитрялась вкладывать бездну эмоциональных оттенков, от недоумения и ожидания до провокации и угрозы.

Я, само собой, не рискнула выступать с новой темой, понимая, что на сегодня чудачеств хватит. И, искоса глянув на Виталину Марковну, торопливо объяснила:

– Ещё две недели назад вы просили съездить в садовое общество «Тихий берег» и навести справки об одном ряженном приду... об оборотне, – поправилась быстро. – Мне люди оттуда с четверга звонят и спрашивают, когда мы про них напишем. И когда мы про них напишем? – я решилась взглянуть на шефу.

В конференц-зале повисло гробовое молчание. Коллеги замерли, прекратив шелестеть блокнотами, и уставились на меня все как один. Я силой воли заставила себя не елозить на стуле. Пищи для сплетен – на неделю хватит... Я уже слышу, как они шушукаются в курилке и столовке, обсуждая мою внезапную смелость.

Виталина Марковна склонила голову набок, нахмурилась, шевельнула губами, что-то подсчитывая, и позвала:

– Валь?

– У? – тучная начальница рекламного отдела, как обычно,

спала. С полуприкрытыми глазами, откинувшись на спинку стула и прислонившись затылком к стене.

В другой позе мы её вообще никогда не видели. Даже ходила она с запрокинутой головой и шумным сонным сопением. А зарабатывала больше, чем вся редколлегия во главе с шефой. Как – загадка века.

– Позвони в это общество и раскрути их на рекламу. Сколько от них до города? Сто километров? И берег реки? Золотая жила! Скажи, без рекламы мы ни про каких оборотней писать не будем. Рада, собирайся, сегодня выезжаешь. Командировка – на неделю. И про оборотня разузнай, и легенд местных набери – чем больше полос накатаешь, тем больше мы с них требуем рекламы. Пойдут на разворот – полоса рекламы плюс полоса событий, – и вкрадчиво переспросила: – Валентина?

– У-угу, – привычно протянула Валя и зевнула, прикрыв рот рукой.

Я выдохнула. Коллеги разочарованно зашуршали бумажками. Да, обычно самое стрёмное взваливали на меня, а тут облом...

Виталина Марковна снова взялась за линейку и, тыча ею в схемы, вернулась к объяснению плана следующего выпуска. А я живо подсчитала приход-расход. За квартиру заплачено за три месяца вперёд, на счету что-то есть, но командировочные всё покроют и добавят... Разберусь с делами садового общества за пару дней, а потом подумаю над загадкой

незнакомки. Отгул возьму, если понадобится. Или отпуск. Заслужила.

Крылышки снова затрепетали. Как же давно я мечтала о журналистском расследовании реального мистического случая... Снова прокрутила мысленно сон и ощутила странное смещение реальности. То, что сейчас было настоящим, показалось сном: я смотрела на шефу и коллег точно из-за стекла. Мы находились рядом – и в то же время далеко, в разных мирах. Зато разговор с незнакомкой стал близким, словно минуту назад случился, и она до сих пор рядом, прячется в моей тени. Я улыбнулась. С детства обожаю такие моменты. И не собираюсь их упускать.

Планёрка впервые пролетела незаметно. Я подождала, пока коллеги разойдутся, и ушла в свой кабинет. Народ, галдя, собирался на дачи и пляжи, а я осталась. Виталина Марковна ещё должна документы подписать да наказ выдать. Рекламу же, разумеется, тоже мне сочинять – и наверняка про местные экологически чистые продукты. Мечта всей жизни...

Сев за стол, я перелистала блокнот с заметками. Да, сначала стоит поискать прежнюю владелицу папки. Может, она вспомнит, от кого её получила. И я узнаю, как выглядела незнакомка. Если повезёт. Пока это единственный след. А зовут ночную гостью, кстати о папке...

– Рада?

Виталина Марковна, несмотря на километровые «шпильки», подкралась неслышно, и я едва не подпрыгнула. А ше-

фа присела на край стола, нависнув надо мной и подавляя морально, всмотрелась в моё лицо и поинтересовалась:

– У тебя всё в порядке?

– А... что? – я растерялась.

Уж чего-чего, а сочувствия и понимания от редакторши ждать – как дождя в нашу сибирскую зиму. Но раз в сто лет он, говорят, льётся...

– Ты здорова? – терпеливо выпрашивала Виталина Марковна. – Дома всё в порядке? А семья как, родители? Денег хватает?

Я только изумлённо хлопала ресницами.

– Странная ты сегодня... – заключила она задумчиво и прищурилась: – А не влюбилась ли?

Я густо покраснела.

– О! – лицо шефы прояснилось. – Вот это правильно! Молодой любить надо, а не пахать круглосуточно. Мужчина пусть пашет, а женщина любить должна и вдохновлять его на подвиги, – добавила со знанием дела и легко спорхнула со стола. – Зайди минут через десять и забери документы. Поедешь на неделю, но если раньше закончишь, то в офис не торопись. Поработай дома, – и подмигнула, – лето же.

И оптимистично уцокала в свой кабинет.

Я проводила её потрясённым взглядом. Точно новый любовник и явно крутой... Потерев горящие щеки, я хмуро посмотрела в окно. Всегда стеснялась своей... неправильности. Верно Виталина Марковна говорит, о любви мечтать надо, а

не о расследованиях. Но я ничего не могла с собой поделать. Мистика, скрытые стороны жизни и тайные грани мира интересовали меня больше всяческих «бабочек в животе». Хм, и тут бабочки – похоже, без них в этой истории никуда... Понять бы ещё, зачем они понадобились женщине из сна... Разве что ингредиентами для зелий, коли она ведьма.

Выждав положенные десять минут плюс двадцать, пока шефа говорила по телефону, я заглянула к ней, забрала договоры на рекламу (Валя сама, разумеется, никуда не потащится), получила ТЗ и покинула офис – почти довольная. У меня есть ещё полдня на свои дела, да. Последняя электричка до садового общества уходит в девять вечера, и на ней-то я и поеду, чтобы не потеть в вагоне-«бане» из запоздавших «шашлычников».

По дороге из редакции я вспомнила всё, что обитатели садового общества рассказывали об «оборотне». Завёлся недавно – с пару месяцев назад, ночи напролёт бродит по огородам и топчет грядки, любит засесть в кустах, подкараулить сонного хозяина участка, спешащего по нужде, и напугать страшным воем. И имущество портит – царапает двери и стены, заборы и лавочки. Человек двадцать мамой клянутся, что лично видели – то из кустов кто-то огненными очами сверкал, то на качели нечто тёмное и красноглазое качалось, то из бани впотьмах выскакивало с рычанием.

Никакой это, естественно, не оборотень. Приехал к бабушке на дачу внук и заскучал. Добыл в городе костюм ани-

матора (медведя или волка) и пару лазерных указок, соорудил перчатку а-ля Фредди Крюгер или Росомаха, скачал на телефон звериный рык и айда развлекаться. Не удивлюсь, если этому приколисту лет четырнадцать-шестнадцать, и особенно он любит садовую клубнику, у которой сейчас самый сезон.

Полуденная жара плавila мозг, и по пути я решила заглянуть в кафе-бар «Чёрный призрак» – любимое место всей редакции. Утром и днём там кормили и наливали кофе, вечером и ночью – напитки покрепче, а работникам «Экзотерры» – с пятидесятипроцентной скидкой, по долгосрочному рекламному контракту. И сейчас в «Призраке» работали кондиционеры и наверняка никого не было. Тишина, спокойствие и прохлада со вкусом кофе – то, что надо для размышлений и пары телефонных звонков.

Открыв дверь под приветственный звон колокольчика, я с удовольствием констатировала отсутствие посетителей. А у стойки, как обычно, дежурил Вовчик – мы за глаза называли его бессмертным душкой-барменом. Бессмертным – потому что он, похоже, не ел, не спал, по нужде не отвлекался и жил на работе. Как ни зайдёшь в кафе-бар – днём, рано утром, ночью, – он на месте, бодрый и готовый к подвигам. И всегда улыбчивый, добродушный, отутюженный до мельчайших швов чёрного галстука и белого носового платка в кармане чёрной же жилетки.

– Привет, Вов, – я махнула рукой.

– Доброго дня, Рад, – степенно отозвался он. – Америка-но, омлет?..

– ...и мороженое, – я кивнула.

– Присаживайся, – и душка-бармен, оставив чистейший стакан и открыв не приметную дверь, исчез на кухне.

Помещение напоминало чёрный дом из старой-древней страшилки про «Отдай моё сердце!..» Чёрная плитка на полу, чёрные панели на стенах, чёрный потолок с приглушённо-серой подсветкой. Большие окна, вдоль которых тянулся ряд чёрных же столов с чёрными, соответственно, диванами и стульями, тоже затонированы, и когда мимо них кто-нибудь проходил, в тёмных стёклах мелькали смутные призрачные силуэты. Атмосферное место. Мне здесь всегда прекрасно работалось даже при большом скоплении народа. Искусственные призраки сразу настраивали на боевой лад.

Широкий коридор кафе-бара напоминал букву «П», и я привычно отправилась вдоль стойки за угол, на своё второе «рабочее» место – туда, где находился выход с кухни, гудели кондиционеры и висела табличка о запрете курения. Лишь там по вечерам и можно было дышать, да. И едой вкусно пахло, и в туалеты в очереди никто не стоял – оные находились во втором коридоре.

Устроившись на диване, я выгребла из сумки нужные блокноты, нашла телефон председателя общества «Тихий берег» и позвонила. Думала, придётся долго ждать – выходной, поди на грядках, – но он ответил сразу, как ждал. Я

поздоровалась, передала пожелания шефы и уточнила день приезда.

– Да когда удобно, Рада, – голос у председателя был густой, сочный и взволнованный. – Когда электричка? В девять из города? Я вас встречу. Да, на машине. И у себя поселю. У меня есть гостевой домик. Это ж лучше, чем в гостинице. Да и нет её у нас. Пока. А если ночью пойдете куда... Сегодня же полнолуние, понимаете? – добавил почему-то шёпотом. – Да-да, всегда появляется по природе – за три дня до полнолуния плюс три дня после.

– А как давно? – уточнила я, рисуя в блокноте цветочек.

– Так третий месяц же пошел. Май, июнь...

По долгу службы я знала про все полнолуния года и хмыкнула про себя. Майское случилось на праздники, а потом начались школьные каникулы. Всё так просто, хоть не ездил. Но – реклама, чтоб её...

– А про рекламу вы не волнуйтесь, – тон председателя утратил шепотливую взволнованность и стал деловым. – Мы ж тут туризм хотим развивать – он модный нынче. Этот, знаете, экологический который. Гостиницу построим, а остальное есть – и коровы, и теплицы, и озеро с рыбалкой. И легенд много страшных, – и он опять перешёл на шёпот: – Проклятый дом есть, с нечистой. Мёртвый омут на озере. Заброшенный колодец, где призрак воет. Вы только про нас напишите так, чтоб люди приехали к колодцу или к дому, а мы потом быстро их в парники определим, – заверил бодро.

Я, про себя посмеиваясь, пообещала крутую статью, записала марку и номер машины председателя, и мы распрощались до вечера.

– Кофе? – душка-бармен возник как из-под земли и замер с разносом в двух шагах от столика.

– Спасибо, Вов, – я улыбнулась, отложив телефон.

Глядя на него, невозможно не улыбаться. Яркий уроженец Средней Азии – невысокий, черноглазый, смуглый, – он упорно красился в рыжий, но цвет всегда получался красным, плюс жёсткий волос отказывался укладываться в гладкую причёску и, навощенный гелем, стоял дыбом и торчал в разные стороны. Зато его даже в «чёрном-чёрном» баре видно всегда и сразу.

Он постоянно подходил к моему столику одной и той же походкой – высоко подняв разнос, бочком, мелкими шажками, осторожно, точно пробираясь в толпе народа. Та же профдеформация, рассудила я, понаблюдав за ним, и перестала обращать внимание.

– Приятного аппетита, – Вовчик расставил на столе тарелку, чашку и корзинку с приборами и отступил.

– Вов, а ты веришь в оборотней? – я достала из корзинки вилку. Дымящийся омлет пах божественно.

– В тех, которые в погонах? – он сунул разнос под мышку и хмыкнул. – Ещё как.

– А в тех, которые зверьём оборачиваются и на луну воют? – я посмотрела на него с любопытством.

– А ты веришь в привидения? – душка-бармен легко и изящно, как танцор, крутанулся вокруг своей оси, и в тёмном окне замельтешили смутные тени. – А они есть. Многое в нашем мире существует независимо оттого, верим мы или нет. Оно просто есть – и ему этого хватает, – и подмигнул мне: – Мороженое минут через десять?..

Я кивнула, и Вовчик бесшумно испарился, ускользнув на кухню. И на пять минут я отключилась от реальности, с удовольствием занявшись обедом. Который исчез так же быстро, как и появился. Отодвинув пустую тарелку, я взялась за кофе и записную книжку – маленькую, потрёпанную, испещрённую адресами и телефонами. Так, Вера Алексеевна...

Когда я полгода назад улепётывала от занудства бывшего, то вцепилась в первое же попавшееся жильё – комнату, сдаваемую бабушкой, на окраине города. И бабушка, кстати, приличная попалась – кандидат физматнаук, интеллигентная, умная. Одно «но»: восемь кошек – это перебор. Когда при моём появлении коллеги начали морщить носы, я подыскала новую хату – как раз с Ягой – и душевно попрощалась с Верой Алексеевной, оправдав переезд утомительной дорогой от жилья до работы. Наверняка она меня помнит.

– Вера Алексеевна? Здравствуйте. Да, эта Рада. Не отвлекаю? Нет, я не по поводу комнаты. Я по поводу папки, которую вы мне дали под бумаги. Помните?

– Конечно, помню, Радушка, – голос у Веры Алексеевны был тихий, тонкий. – Она же мне после ведьмы досталась.

Я тогда ещё в своём институте работала, и у нас всего не хватало – бумаги, канцелярии... Интересно? По работе? А у тебя нюх на потустороннее, – восхитилась она. – Я давно рассказать хотела, да забывала.

Я открыла блокнот и вооружилась чёрной ручкой.

– Лет пять назад это случилось, – начала Вера Алексеевна. – Я после работы пошла в парк прогуляться. Иду по аллее и смотрю, девица под берёзами мечется. Дурная... Вот те крест, Радушка, ведьма она была. Высокая, знаешь, и худая-худая, как палка. На лицо вроде молодая, а волосы седые, глаза чёрные, безумные. И одета – вот как я в молодости. Нынче ж девицы как ходят? Не то платье, не то пояс – и ноги наружу, и грудь. А эта – в длинном тёмном платье, вся закупоренная. Шляпа? Нет, милая, шляпы не помню. Бумагу зато помню. Она что-то листала, а потом как швырнёт... А у нас-то не хватало всего, меня ж такая досада взяла...

Придерживая левой рукой телефон, правой я рисовала. Образ женщины с безумными глазами, подбрасывающей к небу листы бумаги, проявился очень чётко. А меня мама всегда хотела посвятить искусству – музыке или рисованию, и чем я только ни занималась, и каких только навыков ни имела...

– И знаешь, сразу ветер откуда-то взялся, – продолжала моя собеседница. – Больше недели стоячая жара, а тут как налетел вихрь... И унёс бумагу, всю, до последнего листочка. А ведьма что-то побормотала и ушла. А папка осталась.

А добру-то чего ж пропадать. Я сначала подумала, что она наукой занимается, девушка-то. Эти... этимология, да?

– Лепидоптерология, – поправила я. – Наука о бабочках. Мой дядя по ним прётся.

– Господи, слов-то напридумывали страшных, – улыбнулась Вера Алексеевна. – То ли дело...

– ...логарифмы, интегралы, – подхватила я.

Она засмеялась – негромко, мелодично.

– А как вы поняли, что с ведьмой встретились? – я дорисовала рядом с женщиной скамейку и берёзы.

Ответом – неловкое молчание, и я наугад спросила:

– Приснилась?

– С неделю приходила, – призналась Вера Алексеевна смущённо. – Я же говорю, я как узнала, где ты работаешь, очень рассказать хотела... Да, Радушка, каждую ночь снилась. И всё спрашивала – про ведьм, угли какие-то, круги... Я хотела папку выбросить...

– А она вернулась?

– Три раза возвращалась. Так и не избавилась. Я же, Радушка, думала, что всё... на пенсию пора. Страшно было. Я же... даже к колдуну пошла.

– К какому? – я перелистнула страницу с рисунком.

– К отцу Вальпургию, – пробормотала моя собеседница так тихо, что я разобрала псевдоним колдуна лишь потому, что он давно на слуху.

Я фыркнула, закрыв ладонью трубку, дабы не смущать

добрую женщину. Отец Вальпургий, в «девичестве» Осип Виссарионович Манштейн, – известный на весь город православный колдун. Носит десять кило крестов, машет кадилом и тем самым всех спасает. Псевдоним выбрал, потому что именно в мифологическую Ночь ведьм, с 30 апреля на 1 мая, его на какой-то горе посетило «озарение». Вот, собственно, и всё, что прессе о нём известно. Шефа денно и ночью мечтала сделать с ним большое интервью, но колдун не давался. Объявления у нас печатал – и то хлеб.

– Помог? – кашлянув, поинтересовалась я, надеясь, что моя собеседница не расслышит иронии. Лично я этому «православному» не верила ни на грош.

– Успокоил, – застенчиво отозвалась Вера Алексеевна и явственно выдохнула. Словно и я её сейчас успокоила, вытащив наружу эту историю. – Ведьма снится перестала. А папка... Я её спрятала подальше и забыла. Ведь не сразу же поняла, Радушка, что ты именно её взяла. Сказала же тогда – вон там лежат, бери. А ты... Нюх у тебя на потустороннее, – повторила с пониманием. – Что, тоже приснилась?

– Да, – я не стала вдаваться в подробности. – Хочу немного порыться в этом направлении. Интересно.

– Хочешь к отцу Вальпургию попасть? Дать телефон? У него номер есть особый, для проверенных клиентов.

– А может, вы меня на приём запишите? – я оживилась. – Мы ему уже год звоним – бесполезно. Чует прессу.

– Конечно, запишу, – она зашуршала бумагами. – Не бу-

дем его родственницами обманывать, да? Скажу, обращается моя знакомая с той же самой проблемой. На какое время?

– На любое, – решила я. – До вторника-среды я, наверно, буду в командировке, а потом – на любое время. Спасибо, Вера Алексеевна.

– Да не за что, Радужка, – она улыбнулась. – Сообщение отправлю, как запишу. А на чаек уж и не зову. Поди всё мечешься да без выходов?

– Журналиста, как и волка, ноги кормят, – я тоже улыбнулась. – Ещё раз спасибо. Да, до свидания.

Я допила остывший кофе и посмотрела на получившийся набросок. Вот и познакомились... Гульнара. Сейчас, глядя на штриховой рисунок, я вдруг поняла, как зовут ведьму – словно кто-то на ухо шепнул её имя. И накрыло чувством дежавю, и показалось, что мы с ней давным-давно знакомы. Точно с одноклассницей встретилась, которую лет десять не видела, но по прошлой старой дружбе давно хотела навестить.

Неужто меня ещё полгода назад через эту несчастную папку заколдовали и подготовили?..

– Повторить кофе? – Вовчик опять «протиснулся» к столу, поставив передо мной вазочку с мороженым и собрав грязную посуду. Глянул на рисунок и оценил: – Круто. Ты ещё и художница?

– Да нет, это так... баловство, – я небрежно качнула головой. – Вов, а в магию ты веришь?

Душка-бармен отступил от стола, прикрыл глаза и мягко сказал:

– Мир полон тайн и загадок, но нам, смертным, не дано постичь и тысячной доли его чудес. Очень, конечно, хочется изучить все грани мира, но многие из них острее бритвы, и лучше к ним не подходить. Не успеешь даже понять, что нашла – не успеешь насладиться разгадкой, – как раз, и всё, привет. Понимаешь? Да, я верю в магию. И в тайную силу верю. И этой веры мне хватает за глаза, и доказательств я никогда искать не буду. И тебе не советую.

Подмигнул и опять исчез за дверью.

Я задумчиво взялась за мороженое. Бармены – они такие: всё видят, подмечают и понимают почище иных «экстрасенсов»... Мороженое кончилось ещё быстрее омлета, ибо, взглянув на часы, я обнаружила, что пора закругляться. Домой за сумкой – и на электричку.

– Вов! – крикнула я, доставая кошелёк. – Кофе не надо! Я побежала!

– Удачи, работяжка! – раздалось из кухни.

– Пока!

Убрав блокноты в сумку, я оставила деньги на столе и поспешила на выход, краем глаза отмечая нового посетителя. За стойкой сидел здоровенный светловолосый тип и нервно барабанил пальцами по столешнице. На меня он не обернулся, лишь сильнее ссутулился над стойкой. Я с восхищением отметила, как натянулась на широкой спине спортив-

ная синяя майка, подумала, что по-своему права была шефа, вздохнула и помчалась по делам.

...отец Вальпургий же на горизонте. Мне бы подобраться поближе – живо возьму за горло и стрясу нужное. Когда надо, я умею быть и наглой, и настырной. А мне очень надо. Виталина Марковна обещала за интервью с колдуном премию в размере двойного оклада. В отпуск наконец съезжу – и не только в родной город к семье на законных каникулах...

Я бодро дошла до дома, поднялась в квартиру и вытащила из шкафа собранную сумку. На случай командировок у меня и дома, и на работе «дежурили» небольшие спортивные сумки через плечо – с мыльно-рыльным, зарядным, исподним, запасным и тёплым, даже летом, на всякий случай. Рассовать по внешним карманам сумки телефон и блокноты да переодеться в майку и бриджи – дело пяти минут. Плотно закрыв окна – при застоявшейся жаре внезапная гроза со штормовым ветром ни разу не внезапна, – я обошла квартиру, выключая из розеток все электроприборы.

– Я в командировке, не теряй, – привычно предупредила Ягу и тщательно заперла входную дверь.

Город опустел, и до вокзала я добралась без пробок и быстрее ожидаемого. Купив билет на электричку, села в зале ожидания, достала блокнот и в сотый раз изучила рисунок. Отчего-то он меня завораживал. И сейчас показалось, что не я его рисовала. Чёрные глаза ведьмы смотрели прямо в душу – и просили, требовали, умоляли, угрожали... Гульнара.

Что вам нужно, в какую «западню» вы попали?.. И причём тут «бабочки»?..

Задумавшись, я едва не опоздала на электричку. Спohватившись, прибежала в последний момент, села на свободное место у окна и усилием воли заставила себя не трогать блокнот с рисунком. Не то опять засмотрюсь, задумаюсь, пропущу свою станцию...

И, дабы заняться полезным делом, я достала телефон, вышла в интернет и с интересом прочитала несколько научных статей об оборотнях. Научных – в смысле фольклорных. Мифологии разных стран кишмя кишели легендами о всевозможных «превращениях», но их суть сводилась к одному: некто перекидывался в зверя (на первом месте – волк, на втором – медведь, на третьем – все остальные), по своему желанию или будучи проклятым и охотился (добычей на первом месте – люди, на втором – все остальные). Ничего нового.

Статьи закончились. Я сверилась с телефонным навигатором, обнаружила, что выхожу через одну остановку, и устала в окно. За оным проплывали, кутаясь в закатную дымку, длинные защитные полосы из старых тополей и пыльных кустарников. В редких просветах мелькали то ключья полей, то крыши дачных домов. И я снова подумала о теме статей – об оборотнях. И вспомнила слова душки-бармена. Они реально существуют – мы все по-своему оборотни. Все не те, кем кажемся.

Наконец объявили станцию Тихий берег, и я с удовольствием выбралась из душного вагона на свежий воздух. Здесь пыльная городская жара не плавила голову, путая мысли, не прижимала ленивой усталостью к земле. И ветер пах далёким дикотравьем. И в воздухе жужжали пчёлы и мухи, а не машинные моторы. И даже листья тополей шуршали иначе, чем в городе, – громче, свободнее, напевнее.

Я поправила сумку и, следуя указаниям председателя общества, перебралась через пути, прошла до конца платформы к «домику кассира» и мимо него, по тропе меж тополей к трассе. Где меня и поджидал Тимофей Лукич, дочерна загорелый, седовласый и седоусый. И несколько смущённый. А после дежурного показа моего журналистского удостоверения и привычного обмена любезностями я услышала взволнованное:

– Я уж думал, вы до нас никогда не доедете, – и председатель открыл переднюю дверь старого серого «мерса». – Дело-то такое, понимаете... Не всякий нам поверит.

– Не волнуйтесь, разберёмся, – флегматично улыбнулась я, садясь в машину.

И всю дорогу до дачного общества, краем уха слушая сплетни об оборотне, я думала о своём – о таинственной ведьме. На душе, несмотря на откровенно скучное дело «превращенца» и зловещие намеки Вовчика, было радостно и волнительно.

Да, на неизведанную территорию ступаю, да, не знаю, что

меня ждёт... Но рискну. Ведь жизнь, по Никольскому, глупа без риска. И правда всё же победит. А о том, как жизнь пресна и скучна до невозможности, я думаю уже полгода точно. Хватит думать. Пора делать. И не упускать шанс. Не факт, что судьба предоставит ещё один.

Глава 3

*Цель магии – заставить ближнего
усомниться в реальности.*

Амели Нотомб «Человек огня»

После ужина, вооружившись блокнотом и ручкой, я отправилась на прогулку по садовому обществу. Оказалось, двенадцатый час ночи – самое время для сбора необходимых сведений. Дачники, наконец забыв о грядках и парниках, жарили шашлыки, выпивали после бани и были чрезвычайно расположены к общению. Особенно на сакраментальную тему.

Чтобы я не заплутала в потемках, председатель выделил мне провожатого – одного из своих многочисленных внуков. Мальчишка, названный в честь деда, бойкий и вихрастый, двенадцати лет от роду, едва мы вышли за калитку, сразу раскритиковал мой «допотопный» подход к работе.

– Щас же девайсов дофига, – втолковывал он с напыщенным видом. – Даже ваши диктофоны и фотики – прошлый век! Один телефон с собой взяли – и всё! Хотя, конечно, –

протянул с тяжким вздохом, явно копируя деда, – ваш сотик, уж простите, отстой.

Я, слушая его вполуха, только улыбалась да по сторонам поглядывала. Тлели летние сумерки, над домами густо стелился сизый банный дым, а воздух пропитывали запахи ко-стра и жареного мяса. И почти с каждого двора слышался возбуждённый гвалт.

Обсуждали обитатели садового общества, само собой, одно и то же – оборотня. Писк сезона и гвоздь программы. Сегодня как раз полнолуние, и в каждом третьем дворе собрались тусить большой компанией всю ночь, чтобы лично отловить пушистого мерзавца и... Аминь.

Тимофей-младший всю дорогу с умным видом вещал про любимые девайсы с «офигенным звуком» и «крутыми подсветками», но я его не слушала – я находилась там, среди дачников, невидимым и очень заинтересованным слушателем. И только и строчила в блокноте, замирая у очередной ограды.

«У нас на Огуречной он все грядки вытоптал, скотина, на пяти участках, прям вот подряд!...»

«А у нас на Рябиновой ни разу не был...»

«А на Помидорную заходил, Петровна сама видала!...»

«А на Виноградской, у Макаровых, которые в синем доме, на стене такое написал, гадёныш!...»

Сплетни – самый лёгкий источник информации всех времён и народов, да. На правах рекламы.

За час с копейкой мы обошли всё общество. Стемнело, и на ухоженных аллеях зажглись яркие фонари. Остановившись под одним, я бегло просмотрела записи и перебила пацана, который пошёл со своими девайсами уже на пятый или шестой заход.

– Скажи-ка, парень, с телефоном ты как быстро проведёшь опрос местного населения, а?

– Э-э-э... Ну-у-у... – запнулся мой провожатый.

– Мы сейчас на какой улице находимся? – я перелистнула исписанное и открыла чистую страницу.

– На Помидорной, – послушно ответил Тимофей.

– А Петровну отсюда знаешь?

– Вот этот вот дом, – он показал на кирпичную одноэтажку рядом с нами, утопающую в разноцветных люпинах.

– А где находится Виноградная? – я начала чертить в блокноте план.

– А вам зачем? – заинтересовался мальчишка.

– Ответь на вопросы, и я с первого раза угадаю, где этой ночью появится оборотень, – я подмигнула. – Лады?

– Ну окей, – он недоверчиво кивнул. – Вот там Виноградная, слева от нас и Помидорной.

Через десять минут, внимательно изучая план нападений «превращенца», я пришла к двум выводам.

Первое: он ходил окраинами, чтобы легче было драпать. Истоптал две крайние аллеи, левая из которых упиралась огородами в дикое поле с травой-по-пояс, а правая – в лесок.

Плюс пошуршал рядом с первым и последним участками на каждой садовой аллее, которые, опять же, кончались полем или леском.

Второе: «оборотень» был не один. Их двое или трое. Один ходил исключительно по крайним улицам и всегда по клубнику. Второй огородами вообще не интересовался, лишь пугал из бани или с качелей. И кто-то – или из этих двоих, или всё же третий – написал популярное матерное слово на стене дома учительницы русского языка и литературы, причём с ошибкой в окончании, что её крайне возмутило.

– Ну? – Тимофей пританцовывал, норовя заглянуть в мои записи. – Так где он сегодня будет?

– Допустим... – я опустила блокнот и ткнула пальцем наугад. – Здесь.

– А вот и... – мальчишка презрительно ухмыльнулся и дёрнулся, когда я схватила его за ухо: – Ай, пусти-и-и!..

– Попался, заяц, – я улыбнулась, второй рукой вцепившись в его плечо, – причём дважды. Думал, я ничего не смыслю в девайсах? Зато я точно знаю, кто здесь ценит «офигенный звук» и «крутую подсветку».

– Деду не говорите... – «оборотень» шмыгнул носом.

– При одном условии, – я отпустила пацана.

Он отпрыгнул в сторону и сразу же обнаглел:

– Ну и ходите тут всю ночь! Заблудитесь, и заберёт вас нечисть из проклятого дома!

– И что дед на это скажет? – хмыкнула я, подбирая об-

роненный блокнот. – Молодец, внучек? И по голове погладит, если провалишь задание? – и демонстративно достала из кармана бриджей телефон: – Сотик мой, конечно, отстой, но навигатор при нём, – я скопировала тон известного профессора. – Да и без него найду дорогу. Сам же мне план общества продиктовал и указал, где мы сейчас находимся.

– Не говорите деду... – Тимофей опять сник.

– Забудь про оборотней – и не скажу, – я посерьёзна. – А теперь слушай внимательно. Знаешь, к чему могут привести ваши шалости? Да-да, ваши, поди с сестрёнкой по огородам бродишь? Заяц, тут отдыхают пожилые люди с проблемами со здоровьем. Выйдет ночью бабушка по нужде – вы её напугаете – у неё случится инфаркт. Слышал о таком? Нет? Так используй свой навороченный девайс и просветись. Грубо говоря, это разрыв сердца. Смерть то есть. И полиция нагрянет, и вас в два счета вычислят. Знаешь, какая это статья Уголовного кодекса? Так открой интернет и прочитай про убийство по неосторожности для начала. Это убийство, понял? Нужны тебе такие проблемы?

Пацан опустил очи долу, нервно и с силой расчёсывая левое предплечье. Я смягчилась:

– Ладно, пока ничего не скажу. Но если твой дед снова позвонит мне насчёт оборотня – не обессудь, сам виноват.

Тимофей нехотя кивнул, и я добавила:

– Пошли, дом с нечистой покажешь. Прогуляемся, проветримся... А сестрёнке напиши, чтоб больше ни ногой в

чужие огороды. Или это брат?

Мой провожатый только глянул искоса, достал сотовый, ватсапнул послание и просительно протянул:

– А давайте не пойдём в проклятый дом, а? Там и правда нечисть. Оборотень. Настоящий. Честно-честно. Мы когда его увидели, тож решили... ну, побыть. Немного. И взрослые поверили, – осудил обиженно.

– Местные, – я ухмыльнулась, – им всё, что не касается огородов и рассады, в диковинку. Экшен, разнообразие и всегда есть о чём поговорить. Но ты подумай: оборотень – это же волк. Хищник. Зачем ему клубника?

– Оборотень – это человек, – упёрся Тимофей. – Я сам видел. У него глаза ещё... ну, горят. Светятся. Даже днём.

– Покажи, – повторила я. – Но обманешь...

– Ну и напросились! – с затаённым торжеством фыркнул пацан. – Если чё, то сами виноваты!

Теперь я заинтересовалась всерьёз. Неужто здесь и впрямь обитает паранормальное?... А то я в сомнениях, что про оборотней-то писать, кроме разоблачительного и поучительно-насмешливого.

Я убрала блокнот с ручкой в сумку-кошелёк, и мы пошли тёмными аллеями в сторону леса. Гвалт дачников поутих, лишь откуда-то слева доносились взрывы хохота. Наступал последний выходной – воскресенье, и те, кто хотел выспаться перед рабочей неделей, разбрелись по постелям. Я посмотрела на часы. Да, время-то – второй час ночи...

– Дед за ночные прогулки ругаться не будет?

– Не, я ж с вами, – отмахнулся Тимофей. – Типа работаю.

Аллея упиралась в пригорок, поросший плакучими берёзами и кустами дикой смородины. В суровых зарослях виднелась широкая тропа.

– Наши тут за грибами ходят, – указал пацан. – Как раз мимо проклятого дома. Идите. А я не, не пойду.

Оттого, как резво он попятился, стало не по себе. Но и трусить – не дело. Хотела же мистики – вперёд.

И я пошла, осторожно раздвигая кусты и прислушиваясь к отдалённому смеху. В тишине бы, наверно, очканула, а так – люди рядом... И, пока брела по тропе, обратила внимание на полное отсутствие насекомых – ни комарья, ни мошкеры. Интересно, чем их травят? Пока по обществу гуляли – хоть бы один комар ткнул. Да и сверчков не слышать.

Дом я заметила в последний момент. Старая развалюха – времянка-сарайка – стояла, выше окон скрытая буйной малиной и смородиной, и продираться к ней впотьмах совершенно не хотелось. Над кособокой дверью тускло горел одинокий фонарь, идти от тропы – шагов двадцать... Но не в городской одежде. Исцарапаюсь. И бриджи испорчу. Попрошу завтра у председателя старые тряпки и схожу.

Приняв решение, я отвернулась от дома... и с воплем попятилась. Он стоял очень близко – в одном шаге от меня. Высоченный мужик с неопрятной бородой, а под кустистыми бровями горели нереальной желтизной прищуренные глаза

с нитью зрачка.

Инстинкт самосохранения всё решил за меня, и ноги сами понесли прочь – благо, уже потом сообразила я, мужик стоял на тропе со стороны леса, а не общества. Слетев с пригорка, я пулей пронеслась мимо поджидающего Тимофея и помчалась дальше.

Пацан нагнал меня в два счёта.

– Видали? – крикнул он.

Я ничего не ответила – я бежала. Подальше от... нечисти. И поближе к людям. К своей реальности. Чёрт...

– Сюда нам, – пропыхтел мой провожатый, схватив меня за локоть. – Да стойте вы!.. Нет его за нами!

Я остановилась, переводя дух, согнулась пополам, упершись руками в колени. Сбившееся дыхание рвалось, в левом боку кололо, спина намокла. Думала, пацан ржать будет, но нет.

– Видали? – повторил Тимофей серьёзно.

– Угу, – я выпрямилась, отирая пот со лба.

– Оборотень он, – уверенно сказал мальчишка. – Мы с батей его в лесу как-то встретили, когда по грибы ходили. Он в тёмных очках был – ходит с палочкой, типа собирает что-то. Батя с ним заговорил, про грибные места расспросил, то да сё... А он как-то рукой сделал, вот так, – и показал, будто нос резко вытер, – и смахнул очки. Батя тогда даже меня обогнал, как вчесарил... Потом велел забыть и молчать.

– Но вы с друзьями его выследили? – я поправила сумку,

убрала за уши растрепавшиеся волосы и огляделась.

Ума не приложу, где мы находимся... Вокруг – только спящие дома да шелестящие кусты.

– Агась, – важно кивнул Тимофей. – Тут же его не знают, значит, он там живёт, в проклятом доме. Мы с пацанами раз подсмотрели ночью... – и он передёрнул плечами.

– Тоже подкрался и напугал? – предположила я. – Ладно, пошли к деду. Хватит на сегодня.

Председатель ждал нас у калитки:

– Ну что? – уточнил жадно. – Видали оборотня?

Мы с мальчишкой переглянулись, и я выдала заготовленный ответ:

– Увы, – и с сожалением пожала плечами. – Сбежал, наверно, от прессы. Нас все боятся. Если завтра-послезавтра не появится... То всё.

Тимофей Лукич огорчённо цокнул языком, обнял внука за плечи и, чинно пожелав мне доброй ночи, отправился к себе. А я – к себе. Рядом с двухэтажным домом уютился небольшой кирпичный домишко «для детей». Молодежь-де любит уединение и отдохнуть от визга детворы, пояснил председатель, выдавая ключ.

И минут десять я просидела на крыльце, бездумно глядя в небо. Полная луна куталась в саван прозрачных перистых облаков, и по ним кругами расходилась лимонная радуга... а мне виделись глаза. Ядовито-жёлтые. Нечеловеческие. И как теперь уснуть?... А впрочем, усталость, свежий воздух,

лесная прохлада вместо душного городского пекла...

Отперев дверь, я включила свет в крошечной прихожей-кухне. Всё, что было в домике, – это узкий закуток с крючками-вешалками, старым буфетом да столом с чайником у окна возле входа, дверь в ванную-туалет и узкий коридорчик, ведущий в маленькую спальню. Но мне здесь сразу понравилось. С удовольствием зависла бы на недельку-другую.

Я включила чайник, достала из сумки полотенце с летней пижамой и сходила в душ. Сполоснулась, обтёрлась, оделась и вышла из ванной. И замерла на пороге. Мужик-нечисть сидел за столом и меланхолично размешивал в кружке сахар. Свет я не включала – хватало луны и дачных фонарей, и в полутьме жуткие глаза горели нереально ярко.

– Доброй ночи, Рада, – поздоровался он негромко. И сипло, простуженно попросил: – Не бойтесь. Если бы навредить хотел... Вы бы даже не поняли, кто пришёл, что сделал... Не надо бояться. Садитесь. Поговорим.

Я сглотнула, судорожно вцепившись в дверную ручку. Ноги дрожали и подкашивались, а мужик сидел очень... правильно – на табуретке рядом с входной дверью. И мысль о побеге через окно спальни я отмела сразу. И пары шагов не сделаю, как догонит и скрутит.

– Извините, я покурю, – предупредил он вежливо и осторожно, не делая резких движений, полез в карман старых камуфляжных штанов, достал пачку сигарет и зажигалку, плав-

но встал, приоткрывая окно. И снова уставился на меня.

А я, в майке и шортиках, сразу почувствовала себя голой.

– Рада, – мужик-нечисть улыбнулся и щёлкнул зажигалкой, – люди меня совершенно не интересуют... ни в каком виде. Не бойтесь. Вы правильно сделали, придя к дому. Напомнили, что мне пора уходить. Я ещё месяц назад собирался съехать, но мы слишком привыкаем к одному месту – к *своей территории*, – добавил с нажимом, и по интонации я поняла, что это не просто слова. Это... знак. Вроде дорожного «Машины не ставить!».

И, вдохнув-выдохнув, я на негнущихся ногах подошла к столу и неловко села на табуретку напротив окна и боком к нечисти. Деваться-то некуда... Мужик, зажав дымящуюся сигарету в уголке губ, сразу встал, налил мне чаю и пододвинул упаковку печенья.

– Вы... кто? – я кашлянула и неловко взяла печенье.

– Нечисть, – он сел, затянулся и выпустил из носа струйки дыма. – Таких, как я, ведьмы называют «летучими мышами». «Нетопырями». Это... разновидность. Я с патентом, – пояснил сразу и коснулся подвески-монетки на шее, – с правом жить среди людей. Нас постоянно проверяют на адекватность, умение социализироваться и безопасность для людей.

Ведьмы. Нечисть. «Мыши» какие-то «летучие». Чёрт, а... Я сгрызла печенье и глотнула горячего чая, цепляясь за свою реальность, в которой я не верила ни в каких оборотней. А они есть, как мудро заметил Вовчик, и не нуждаются в нашей

вере, чтобы... быть. Существовать. Они прячутся в тенях и отражениях зеркал, притворяются людьми, чтобы...

– Я не пугать пришёл, – незваный гость огляделся в поисках пепельницы, не нашёл и использовал вместо оной баночку с остатками мёда. – И не мстить за вторжение. А поговорить. Предупредить.

– О чём? – я, забывшись, посмотрела на него, вздрогнула, встретив фосфоресцирующий взгляд, и опять уткнулась в чашку.

Он вздохнул, похлопал по своим штанам и достал из бокового кармана солнцезащитные очки.

– Так легче?

Я глянула искоса и снова отвернулась. Ненамного. Ядовитая желтизна отражалась от тёмных стекол, озаряя небритое скуластое лицо нездоровым светом. Он снова вздохнул.

– Извините... – проямлила я.

– Ничего, – «нетопырь» поднял очки на макушку, убирая с лица длинный волнистый чуб. – Вы верите в меня – и в вероятность существования таких, как я. Это хорошо, – и уверенно произнёс: – В вашей семье кто-то есть. С даром. В раннем детстве вы видели волшебство каждый день, но потом выросли и забыли. Но вера осталась. И сейчас она не даёт вам удариться в истерику и панику. Страшно, но вы справитесь. Иначе бы я не рискнул прийти.

Я снова глянула на «нетопыря» искоса. Его вежливые манеры и грамотная речь совершенно не вязались с неряш-

ливым внешним видом. Неопрятная тёмная борода, отросшие всклоченные волосы, линялая майка-тельняшка. Крестик, кстати, на второй цепочке, рядом с подвеской-монеткой. И вроде бы пахнуть от него должно... соответственно, а не пахло. Ничем, кроме смородины и леса.

Чай закончился, и ночной гость снова встал и ушёл в ванную за водой. Двигался он абсолютно бесшумно и невозможно ловко. Габаритный, занимал собой полкухни, но под его шагами ни одна половица не скрипнула, и в узко-низкие дверные проёмы он просачивался гибко, как лавирующий в толпе с подносом душка-бармен.

Уютно запел чайник. «Нетопырь» сел на табурет, посмотрел на меня выжидательно, и, снова вдохнув-выдохнув, я неуверенно предложила:

– Ну, рассказывайте...

– Зря вы письмо прочитали, – ответил он неожиданным. – Зря приняли от ведьмы послание.

У меня внутри всё замерло.

– Почему? – я нахмурилась. – Потому что не мой мир и не моё дело?

– Потому что обычно в другой мир люди лезут с подготовкой – теоретической и технической, – сурово пояснил мой собеседник, доставая вторую сигарету. – А у вас ни знаний, ни... скафандра. Оберег есть, – и он втянул носом воздух, раздув ноздри, – волшебой пахнет. Но вряд ли он защитит от той, что присосалась пиявкой.

Я вздрогнула:

– Пиявкой?..

– Мы делим мир на три части, – «нетопырь» снова закурил, глядя мимо меня. – Живой мир. Мёртвый мир. И мир теней. Последний – это мир, где замирают души не живых и не мёртвых. Кто очень болен. Или проклят. Ведьма, которая вам явилась, проклята – застыла между жизнью и смертью. Но прежде она оставила завет, – и он прищурился, точно незримую цель выискивая. – Завет-тропу. Письмо – это первый шаг по связующей тропе. Она узнала о вас, пришла и запомнила «адрес». Я вижу, – страшные глаза вспыхнули живым огнём, – её в вашей тени, Рада. Дух ведьмы впился в вас. Пиявкой. А пиявки питаются кровью. И тропа проложена, и «адрес» известен, и новые письма – это новые встречи. И не только она будет приходить к вам. Вы с каждым новым письмом будете приближаться к ней.

Щёлкнул, отключаясь, вскипевший чайник, и я снова вздрогнула, нервно повторив:

– Пиявкой?..

Ночной гость встал и разлил по кружкам кипятков.

– Чтобы уцелеть, она будет пить ваши жизненные силы. Вы не сразу это заметите. Если ведьма не дура, то станет тянуть по капле, – грубовато объяснил «нетопырь» и снова сел на табурет. – А вы уставать начнёте быстрее, есть больше, болеть чаще и с последствиями. Вы беззащитны перед ней. Поверьте, – добавил мягко, – я работал с проклятыми. Знаю,

о чём говорю. Вижу её за вашей спиной. Её следы – в вашей тени.

– Опишите, – я обернулась, но, конечно, ничего не увидела, даже тени.

– Волосы седые, глаза тёмные, с огненными искрами – может, с огнём работала при жизни, – он снова прищурился. – Высокая и худая, платье чёрное, кожа светлая.

– Шляпа?.. – я кашлянула. Мне стало страшно неуютно... и просто страшно, до липких ладоней и внутренней дрожи.

– Это не шляпа, – он склонил голову набок, внимательно рассматривая что-то явно видимое. – Это... память. Вернее, её отсутствие. Она не помнит себя. На её памяти лежит покров.

Я нервно глотнула чаю и не сразу поняла, что чая-то в кружке не было – просто горячая вода. Ночной гость молчал и давал мне время – подумать, сделать выводы... решить, что спросить.

– Зачем вы мне всё это говорите? – я устало облокотилась о стол и запустила пальцы в распущенные волосы. – Зачем объясняете? Жалеете? Но ведь жалость не спасёт. Может, лучше и не знать...

– Знание – жизнь, – возразил «нетопырь» веско. – И не в жалости дело. Негоже ведьмам лезть в дела людей и втягивать вас в свои. Не по закону это. Проклятая поставила под угрозу существование нашего мира. Нельзя, чтобы люди о нас узнали. Вы должны найти хорошую ведьму и избавиться

от той, что прицепилась. И забыть обо всём.

– И мне помогут? – поинтересовалась я сухо. – Забыть?

– Да, – ответил он просто, – для вашего же блага. И я подскажу, как найти городскую ведьму. Они живут среди людей скрытно и...

Дальше я не слушала. За окном мелькнула крупная тень, а в комнату залетел ночной мотылёк и маленьким истребителем спикировал на стол, уселся, сложив пушистые крылышки. Догадка была внезапной и явно верной. Бабочки... Ну, конечно... Если есть «летучие мыши»... Значит, есть и «бабочки». Это не насекомые. Это нечисть. «Бабочки» – это разновидность нечисти.

– Да, – мой собеседник смотрел не мигая. – Это нечисть. Страшная и опасная.

– Вы умеете читать мысли? – мне опять стало не по себе.

– Не мысли, – он качнул головой. – Тени. Люди повсюду следят своими теньями, а в них – и прошлое, и настоящее. И немного будущего. Эта проклятая занималась нечистой и забралась туда, куда не следовало. «Бабочки» были уничтожены много лет назад. Так считается.

– А на самом деле?

«Нетопырь» пожал плечами и достал третью сигарету:

– Всегда есть вариант «может быть». Но от проклятой несёт незнакомой мне нечистой. Вероятно, она нашла, что искала, – он помолчал, закуривая, и хрипло заключил: – И если да... то всё. Если «бабочки» просочатся следом за ней

в мир людей... быть большой беде.

– Почему? – я наблюдала за мотыльком с болезненным интересом.

– А каков срок жизни этих насекомых?

– Ну... – я вспомнила рассказы дяди-коллекционера. – От нескольких часов до нескольких недель.

– Нечисть, – заметил «нетопырь» негромко, – не зря называют так, как называют. У «бабочек» срок жизни очень мал. Но они – не насекомые, в них есть магия, и некоторые особи способны жить веками – за счёт других. За счёт людских жизней. Тело человека становится для них коконом, и временно – на сутки-другие – заимствуется внешность. А потом они вылупляются – обновленные и полные сил, – и он рассеянno стряхнул пепел в банку.

«Веками»?.. Я с ужасом посмотрела на нечисть, и тот кивнул, подтверждая мои мысли:

– Они изведут род людской в два счета. «Бабочки» – это катастрофа похлеще ядерной войны. Найдите городскую ведьму, Рада. Как можно быстрее.

– Где? – спросила я сипло.

«Нетопырь» задумался:

– Находясь среди людей, ведьмы пользуются отводом глаз – увидишь, но внешность потом не вспомнишь. И часто меняют место жительства. Одна живёт за городом, но где, не знаю. А вторая – в городе. Я всегда находил её по запаху. Она переезжала примерно раз в год. Отмечался я по весне, и у вас

ещё есть шанс застать её на прежнем месте. Запоминайте...

Сумку с блокнотом я перед душем оставила на буфете и сейчас не поленилась встать и достать рабочие принадлежности.

– Левый берег, – диктовал ночной гость, – район старый, рядом с рекой, между новым и старым мостами. От реки до дома ведьмы идти час... мне. Вам подольше. Дом – старая жёлтая «сталинка». Рядом – небольшой сквер. Подъезд первый, этаж второй, квартира – слева, первая дверь. Детской площадки во дворе нет, зато есть сломанный старый тополь.

– А в ста шагах ото льва должен быть фонтан? – невесело пошутила я.

– Извините, – он развёл руками. – За что купил, за то и продаю. Не могу сейчас в городе появиться – нельзя, не положено. Не то бы завтра же с вами уехал. Но, боюсь, защита ведьм меня не пропустит. Бросьте все дела, – посоветовал серьёзно. – Всё бросьте и найдите ведьму. Это несложно.

Я записала в блокнот характеристику и, поддавшись внезапному порыву, потянулась к нечисти, схватила его за руку:

– Расскажите ещё, а? О ведьмах. О нечисти. И об этих... – я вспомнила, чем удивила проклятая ведьма. – Об «углях». Кругах. Хоть в общих чертах! Сами же говорили, нельзя без скафандра... А придётся. Вы бы не предупредили, если бы я не влипла так... как влипла. Сказали «а» – говорите и «бэ», – и торопливо пообещала: – Об этом я писать не буду. Никогда.

– Уверены, Рада? – «нетопырь» весело прищурился.

– Конечно, – я с сожалением отказалась от недавней мечты. – Это ж сначала санитаров вызовут, а потом, не дай бог, уволят. И ввек не отмоешься. Люди верят в абстрактное, возможно существующее чудо, а не в конкретное. Конкретного и реального они боятся. Это я поняла давно.

Ночной гость осторожно сжал мои пальцы и мягко сказал:

– Завтра. Я вас найду. Идите спать, вы уже почти сутки на ногах и плохо соображаете. Как у людей говорят: переспите с тем, что узнали. Много информации – так же плохо, как и мало.

Да, утро подкралось незаметно – небо над деревьями посветлело, погасив звёзды. И, кажется, так теперь далеко привычный мир – с шефой, заданиями, редакцией, квартирой с Ягой... Так далеко, будто его и не существовало никогда, и в моей реальности всегда обреталась некая... нечисть со страшными глазами и загадочными улыбками.

Я зажмурилась, прогоняя наваждение, а «нетопыря» уже и след простыл. Минуту назад я цеплялась, как утопающий за соломинку, за его горячую руку, а сейчас сижу одна на прокуренной кухне и даже удаляющихся шагов не слышу.

Да, нельзя чтобы люди знали о нечисти. Идеальный же убийца – пришёл, сделал дело и исчез, и никто ничего не видел, не слышал и не знает... А какими тогда должны быть ведьмы?.. Нет, Вовчик верно обосновал свою теорию про грани мира. Нечего нам, простым смертным, туда лезть. Ма-

ги – отдельно, люди – отдельно. Рождённым ползать... падать, в лучшем случае, очень больно. И подстраховаться нечем. Совсем.

Я потрянула головой. Недавние крылья с эйфорией, само собой, приказали долго жить. Слова «нетопыря» – это, конечно, только слова без доказательств... Но отчего-то в них верится. И тянуть с Гульнаркой не стоит. Однозначно. Закончу дачные дела – сдам материалы и уйду в отпуск. И на поиски. И...

Витамины, пожалуй, попить не помешает...

Глава 4

*Вымысел – правда, запрятанная в ложь,
и правда вымысла достаточно проста: магия существу-
ет.*

Стивен Кинг «Оно»

Когда я леглась спать, то думала, что не усну, а потом долго не могла проснуться. Открывала глаза, повторяла утренней мантрой – сейчас, минутку долежу и... – и снова отключалась. Не разбудило меня и время: дотянувшись до телефона, я увидела час дня, но вместо того чтобы подскочить и побежать по делам, сунула сотовый под подушку с отмазочным «ещё чуть-чуть...». Деревня, свежий воздух, стресс... заботливо накопленный хронический недосып.

Окончательно меня разбудила только шефа.

– Привет, оборотня нашла? – спросила она деловито.

– Нет, конечно, – я неохотно села. – Это внуки председателя развлекались. Костюмы, детские фантазии, скука – и никакой мистики.

– Жаль, – огорчилась Виталина Марковна и строго велела: – Но ты напиши. Они согласились на четыре рекламных материала. Добывай истории, где хочешь. Четыре штуки в поддержку к рекламе.

– Угу, – я вздохнула, вспоминая «нетопыря».

Офигенный бы материал получился, если бы он не был столь... реально-фантастическим. Оксюморон, да. Но вчерашняя нечисть – элемент слишком реальный и слишком фантастический, и для эзотерического журнала, и... вообще.

– Две статьи на разворот сдай сегодня-завтра, а остальное прикинь по срокам сама, – распорядилась шефа, и в этом «прикинь сама» так и слышалось «в ближайшее же время». – Когда обратно планируешь?

– Может, сегодня вечером, – я пожала плечами. – Но завтра точно.

– Хочешь – на неделю задержись, – разрешила Виталина Марковна. – Позвони завтра, если надумаешь, и мы оформим, доплатим. Ты давно без отпуска... но смотри сама. Отдыхай, – и положила трубку.

Я рухнула на подушку с чувством выполненного долга. «Отдыхай» прозвучало как отпущение всех грехов. И странно, что при столь подобревшей начальнице Земля ещё вер-

тится...

Подремав с полчаса, я всё же заставила себя подняться. Вчерашние намёки нечисти не сулили ничего хорошего. Можно слепо им верить – а можно прежде проверить. А чтобы проверить, надобно найти настоящую ведьму. А чтобы найти ведьму, нужно развязаться с делами садового общества и хотя бы вернуться в город. Но перво-наперво надо задвинуть на время нехорошие мысли и не придавать словам «нетопыря» столько веса. Не то задавят.

Будучи по натуре существом, склонным к преувеличению, психосоматическим расстройствам и судорожным размышлениям на тему «что бы сделать...» даже тогда, когда сделать ничего нельзя, я давно приучила себя к одному спасительному заклинанию. Звучало оно просто: «Рада, у тебя съёмное жильё, работать!» и на раз исцеляло любые болячки, разгоняло депрессивные мысли и возвращало жизни смысл – примитивный донельзя, зато всегда актуальный.

Умывшись и переодевшись, я закрыла домик и заметила председателя общества, копавшегося на грядках.

– Добрый день, – улыбнулся он в усы. – Выспались? Да, свежий воздух – и никакого городского стресса! Спится у нас...

...и спиться, судя по вчерашним шашлыкам, – тоже...

– Вы напишите про это – про сон хороший, – попросил председатель. – У нас у многих есть гостевые домики на участках. Берём недорого, а отдых – самое то! Но поешьте

сначала. По дорожке через цветник пройдите, там летняя кухня. Жена накормит.

Я поблагодарила его и отправилась на обед. Жена председателя, полная добродушная женщина, уже расставляла тарелки. «Летней кухней» назвалась пристройка к дому – крыша-настил на подпорках да самодельный стол с длинными лавками.

– Вы, молодёжь, ни в чём-то меры не знаете, – говорила хозяйка, накладывая окрошку. – Или ленитесь так, что на работу не выгнать, только игры с сериалами на уме, или работаете на износ, света белого не видя и ни минутки отдыха себе не позволяя. Это же ненормально.

Я кивала, соглашаясь, и за обе щёки уплетала свежую окрошку. Стрескала две порции и почувствовала себя человеком.

– Ужин в семь вечера, – предупредила она, – но ежели опоздаете, голодной не оставлю. В дом заходите в любое время. Теперь-то работать пойдёте? Внука выдать?

Я вежливо отказалась: пусть, дескать, носится с детворой. И, снова поблагодарив, вернулась в домик. Проветрила, прибралась и, вооружившись диктофоном и блокнотами, отправилась проводить опрос. Проклятый дом, мёртвый омут, заброшенный колодец с призраком и свежий воздух, да.

Люди откликались по-разному: кто-то был рад за прополкой поболтать и посплетничать, а кто-то бурчал недовольно – мол, понаехали! – и нырял в парник. Но за день я успела

обойти всех местных и лишь после восьми вечера, предварительно поужинав, отправилась фотографировать окрестности.

Нечисти возле проклятого дома не оказалось. Сделав пару снимков, я через лес выбралась к озеру – удивительно безлюдному. Разъезжались далеко не все – примерно половина обитателей общества отдыхала в отпуске, и жаркий день плюс тёплый вечер плюс законченные дела располагали к купанию. Но нет: на озере – ни души.

Я села на траву передохнуть и сделать фотографии. Озеро лежало в низине: формой – ровный овал, в тусклой и неподвижной воде отражались облака, у берегов зеленела ряска и шумели камыши. А дальше, за озером, на неровной возвышенности рваным каре темнел лес. Я насчитала три спуска к воде с расчищенными берегами – то есть люди здесь бывали, но нечасто. Ах да, омут же мёртвый... Вроде он где-то на середине водоёма находится.

Сделав пару снимков на телефон и расслабленно подышав, я с сожалением встала и отправилась искать колодец с призраком. Тропа, по которой я вышла к озеру, огибала его с двух сторон, взбиралась на холмы и убегала в лес. И именно в лесу, слева от озера, мне и посоветовали искать колодец. По слухам, там когда-то находилась деревня, но сильно разливающееся по весне озеро вынудило её обитателей перебраться повыше – на место будущего садового общества. А деревня постепенно заросла лесом вместе с заброшенными

ми постройками, колодцами и кладбищем.

Старинное кладбище на закате – романтика...

Спустившись вниз по тропе и обойдя озеро, я поднялась на холм и приблизилась к лесу. И опять отметила: никаких насекомых, ни комарья, ни вездесущих мошек. Ни, само собой, бабочек. Неужто «нетопырь» всех распугал? Спрошу, если встречу. Но в последнем я сомневалась. Наверно, не появится. Зачем нечисти объяснять то, что обычному человеку знать не положено? Предупредил об опасности и навёл на настоящую ведьму – и на том спасибо.

В лесу царили тишина, влажность и закатный сумрак. Солнечные лучи пронизывали берёзовую рощицу, вычерняя древесные стволы, замирая в неподвижном воздухе золотыми иглами (или – коридорами, по которым в наш мир проникали мириады крошечных, танцующих в солнечном свете существ). Слабо шелестели макушки берёз. И так здесь спокойно и умиротворённо гулялось, отдыхалось, дышалось...

Я шла едва заметной тропой, выющейся в море папоротника. И опять – никаких насекомых. Подозрительно. Помню, как в детстве с родителями по грибы ходила: травинку тронь – и над тобой уже готовое страшно мстить за потревоженный покой грозное облако из мошканы, комарья и прочей... нечисти. А здесь... Мухоморы и земляника на прогалинах у берёз. Бесконечные заросли папоротка, хвоща, дикой малины и шиповника. Мелкие поганки и мох на изогнутых стволах. Слежавшиеся комки старой паутины на корявых ветвях.

В общем-то это «безнасекомье» – приятное исключение из правил леса, но... подозрительно. Любопытно.

Колодец нашёлся минут через десять. Утопающий в колючих кустах, покрытый толстым слоем мха, с тропы он напоминал обычный холм, и если бы председатель загодя не показал мне фото, я бы прошла мимо. Тем паче обещанного воющего привидения не наблюдалось. И не слышалось.

Раздвинув ветки, я с интересом заглянула в колодец. Крышки не было, и из вязкой тьмы пахло гнилой сыростью. Камень внутри тоже порос толстым слоем мха, и кроме оно-го я ничего не увидела. А услышала, только когда сама шалости ради громко ухнула – и ответило мне лишь эхо.

Я прислушалась к глухому «отклику», выпрямилась и хмыкнула. Ну да, если загодя положить в ведро девайс с записью голоса, скажем, плачущего ребёнка и опустить его на дно, то поутру сонные грибники много чего вспомнят – и матерей всех времён и народов, и Господа-Бога, и его антагониста с проклятой свитой, и много непечатных, но милых русскому сердцу слов, и даже японский «Звонок», если хватило духу посмотреть.

Держа колодец на прицеле телефонной камеры, я попятилась, сделала несколько снимков, проверила полученное, убрала сотовый в карман бриджей и обернулась. И с воплем отпрянула в сторону, споткнувшись, взмахнув руками и едва не сев в шиповник. «Нетопырь» стоял в шаге от меня и терпеливо ждал, когда я его замечу.

– Господи, вы не можете, что ли, по-человечески появляться?.. – я прижала руку груди. Сердце от испуга заходилось как сумасшедшее.

– Отшутиться бы, что не могу, ибо не Господи, но не будем углубляться в религию, – он улыбнулся. – Не привык к людским... слабостям, Рада. Извините. Мне казалось, я так шумел...

В его голосе, впрочем, извинения не ощущалось.

– Нечисть... – пробормотала я нервно, потирая шею. – Поди всех людей считаете... слабаками?

– Одно даётся – другое отнимается, – философски заметил «нетопырь» и полез в карман штанов за сигаретами. – Зато вы живёте в обществе, спокойно и без надзора.

Смысл последней фразы сразу настроил на нужный лад, и я вспомнила, о чём хотела услышать.

– Ведьмы, угли... круги? – я вопросительно подняла брови. – И что-нибудь ещё?

– По минимуму, – предупредил он и глянул на меня сверху вниз выразительно. – Я знаю, вы журналист, а вас только пусти к информации... Договоримся на берегу, Рада. Я расскажу то, что посчитаю нужным. Дополнительные вопросы задавать можно, но я оставляю за собой право не отвечать. Надо ли предупреждать о нежелательности публикаций? – и тоже поднял брови, сверкнув ядовитой желтизной глаз.

Невольно поёжилась. Я не карлик и свой метр шестьдесят пять всегда (без учета психологического воздействия Вита-

лины Марковны) считала нормальным средним ростом, но «нетопырь» смотрел так, будто я была мелкой букашкой – свысока (двухметрового минимум), с чувством превосходства (от некой имеющейся силы и знаний точно). И, в отличие от многих высоких людей, он не сутулился, отчего смотрелся ещё внушительнее.

– Не надо, – я покладисто кивнула. – Я же не враг своей репутации.

– Следуйте за мной, – он повернулся и зашагал вглубь леса, дымя, как паровоз.

– А почему вы – нечисть? – не удержалась я. – Нечисть – это же от нечистого духа, перерождённой живой души, которая в посмертии обрела новую оболочку и тёмную, «грязную», исключительно вредоносную силу. Вы же не такие, да? Вы...

– Мы?.. – «нетопырь» обернулся через плечо, и мне почувдился в его голосе интерес.

– Ну, люди и люди, – я подумала и провела аналогию: – Есть же в природе кошки, а есть тигры. Люди – это кошки, а вы...

«Нетопырь» усмехнулся:

– Зачёт, – отвернулся и продолжил серьёзно: – Не знаю, почему нас так называют. Вероятно, от нечистых силой – мы же тёмные. Управляем и питаемся только тьмой. Или потому что мы в этом мире... лишние, вроде мифологической нечисти, – прозвучало констатацией факта, но мне слышалась

горечь. – Верно, природа решила поэкспериментировать, создав, кроме ведьм и колдунов, ещё одно биологическое ответвление в роду человеческом.

– А насекомые – ваша работа? – я едва поспевала за своим спутником, спотыкаясь о корни и путаясь в высоком папоротнике.

– Представьте, ненавижу этих тварей, – «нетопырь» сплюнул. – В любых ипостасях.

Я чуть не ляпнула вслух, как это странно – ненавидеть еду, но вовремя прикусила язык. Что, впрочем, не помешало нечисти угадать ход моих мыслей. Он весело хмыкнул:

– Когда «еды» много и она не прочь тобой закусить, это раздражает. И, знаете, Рада, вы странно меня воспринимаете, – мой провожатый остановился на небольшой «лысой» поляне с поваленной берёзой, без папоротника, но с зарослями костяники и земляники. – Обычно у людей первая ассоциация со словами «летучая мышь» в ипостаси человека – это вампир.

– Я не верю в эту чушь, – я села на берёзовый ствол и вытянула ноги. – И у меня второй дядя, мамин брат, прётся по мышам во всём их многообразии. Начинал биологом – работал с подопытными мышками над какой-то вакциной, а закончил года три назад хироптерологом – летучих мышей изучает. А что потом будет... – я пожала плечами. – Но на мышей я насмотрелась, как и на бабочек от первого дяди, маминого двоюродного брата...

Запнувшись, я усталилась на «нетопыря». Все эти совпадения как-то... немного слишком.

Он устроился на земле по-турецки, зажевал сорванную травинку и негромко сказал:

– В моем народе говорят, что все события, в которых мы участвуем, predetermined задолго до нашего рождения. И сначала создаются именно события и места действия, а потом под них подбираются действующие лица, – и посмотрел на меня проницательно: – И если «лица» смогут понять, как и чем они связаны с событиями и местами, почему выбраны именно они, то избегнут многих ошибок. Случайностей не бывает. Бывают связи, которые мы не в силах увидеть. В которые не хотим верить. Но сначала готовится сцена и натягиваются канаты, и лишь потом по ним проходят гимнасты, демонстрируя свои возможности.

Я попыталась вообразить себя среди этих самых связей, но получилась полная ерунда. Я – на канате с палочкой и в блестящем купальнике... с диктофоном и блокнотом под мышкой, да. Тьфу...

«Нетопырь» снова рассмеялся:

– Не так же буквально!

– Ничего не выйдет... – вздохнула я.

– Побольше веры, – подбодрил «нетопырь». – Вас выбрали на эту роль – значит, нужны именно ваши способности. Отчаиваться в самом начале действия глупо.

– Очень, – согласилась я и тоже сорвала травинку.

Язык чесался спросить, как его зовут, но я не решалась. Раз сразу не представился – мало ли, может, и называть свои имена в их народе не принято. И как же всё это...

– У меня мир раздваивается, – призналась я вдруг и до-вольно жалобно. – Я теряюсь в вашем и своём. Сейчас про-свой забыла, а уеду завтра – и покажется, что всё здешнее приснилось... Их вообще реально совместить?

– Событий связующих пока мало, – отозвался мой собе-седник туманно. – Когда всё завертится, миры постепенно сойдутся в нечто... ваше, – жуткие глаза смотрели мимо ме-ня и видели нечто незримое, но существующее. – И это со-хранит всё – и рассудок, и жизнь, и...

– И?.. – заинтересовалась я.

– Мы отвлеклись от основной темы, – невозмутимо рас-тёкся по земле «нетопырь», устроившись на боку. – Ведьмы и «угли»?

– Да, – разочарованно кивнула я и достала из сумки блок-нот.

Мой собеседник прикрыл глаза, «притушив» их сияние, и на секунду показался почти обычным – дачник в отпуске, расслабился в смысле внешнего вида и пошёл по грибы. Но тут он снова глянул на меня, и я зажмурилась. Солнце скры-лось, в лесу сгустился сумрак, и глаза «нетопыря» не только слепили, но и жгли до слёз.

– Извините, – он сел и нацепил тёмные очки. – Наступает время охоты... Но мы опять отвлекаемся.

– Конечно, простите...

«Нетопырь», напомнила я себе строго, ничего мне не должен, и хватит почем зря терроризировать его вопросами и жалобами, отнимая время. Говорим коротко и по существу.

– Да я не против, – улыбнулся мой собеседник, – от меня же обычно все шарахаются... или я шарахаюсь, чтобы не попасться. А таких, как я, очень мало, – посмотрел на меня внимательно и одобрил: – Хорошие из вас «уши». И подходы правильные подбираете, чтобы нужное вытянуть. А теперь записывайте.

Я смутилась. Да, профдеформация. Ничего не подбираю, оно само выходит... «Нетопырь» снова развалился на траве, сунув руки под голову, а я украдкой включила на телефоне аудиозапись – для подстраховки. Нечисть если и заметил возню с телефоном, то виду не подал. Не возражал.

– Ведьмы, – начал он, и от постоянных разговоров его голос звучал ещё простуженнее, чем вчера, – исстари владели мощной стихийной силой и защищали мир от тёмных сил...

Я сосредоточенно конспектировала.

Ведьмы. Двенадцать сфер силы – огонь, пространство-время, душа, вода, неживые предметы... Деление любой сферы на свет и тьму. А над ведьмами стоят наблюдатели – колдовской орден, бдящий за тем, чтобы волшебство обходилось без проклятий, жертвоприношений и прочих гадостей. Ведьмы, соответственно, бдели за нечистой. И Круг – это официальная организация, возглавляемая Верховной

ведьмой. Вроде как департамент по защите людей от посягательств нечисти и тех ведьм-отступниц, которые жаждут вечной жизни через жертвоприношения.

– А вы? – уточнила я, воспользовавшись паузой, когда «нетопырь» сел и закурил. – Мы-то, люди, понятно, где – в стороне. Ни магии, ни другой какой-нибудь силы... Мы живём сами по себе, волшебники и ведьмы – сами по себе. Мир – общий, а уровни обитания – разные, как у рыб и птиц. Но у нечисти-то сила есть. Вы за кем бдите?

– В смысле? – повернулся он.

Я показала нарисованный «волшебный» треугольник, где со знаком вопроса начертила стрелочку от нечисти к наблюдателям.

– Не так разве? Зря. Если, как вы говорите, в наблюдателях две трети мужиков, у которых нет, в отличие от ведьм, стихийной силы, чтобы противостоять нечисти, то было бы правильным вам присматривать за ними. Когда над начальством никто не стоит... – и я запнулась, вспоминая шефу.

– То что?

– Оно борзеет, наглеет сверх меры и считает, что мы у него в рабстве, а значит, должны работать круглосуточно и за идею, – со вздохом ответила я. – Чего вам не хватает, чтобы заявить о своих правах? Уверенности?

– Но вы терпите, потому что нуждаетесь в работе, верно? – отметил «нетопырь». – Мы с вами в похожих условиях, Рада. Нет, нам не уверенности не хватает. Нам нас не хватает.

Нечисти мало, и далеко не все особи имеют мозги, у большинства на первом месте инстинкты. Но отчасти ваша схема верна. Если на ведьм надавить, они перестанут контролировать нечисть. Есть и второй наблюдающий за нами орган – заклинатели, но они держатся в стороне, и их немного.

– А если ведьмы от вас отступят – всем хана? – предположила я, дорисовывая рядом с треугольником второй, с таинственными заклинателями.

– Почти всем, – и мой собеседник улыбнулся так, что мне стало неуютно и жутко.

И, пожившись, я напомнила себе: он – нечеловек, нечисть. И нечего здесь долго рассиживаться, уже поди часов одиннадцать. Я огляделась и отругала себя – и за излишнюю доверчивость, и за нездоровый журналистский интерес. Сiju в незнакомом лесу, наедине с непонятным и безымянным, прости господи, «нетопырём», в темноте... Но раз пока ничего страшного не случилось, как и вчерашней ночью, и он явно заинтересован в этой истории...

– А «угли»?..

– Сердце ведьминой силы. Концентрированный комок энергии, генерирующий магию. У простых ведьм – «угли», у Верховных – Пламя.

Логично.

– «Уголь» – это показатель истинной силы ведьмы. Если его нет, а некие неопределенные способности имеются, то перед вами потомок ведьминого рода, выгоревшего и утра-

тившего силу. Таких ведьмы всерьёз не воспринимают. Они даже с мелкой нечистью работать не способны и проклятье настоящей ведьмы никогда не снимут.

Зато эти «потомки» кем только себя не мнят... Я нехотела вспомнила о грядущей встрече с отцом Вальпургием, понимая, что толку от неё не будет. Интервью – да, выбью, а вот помощи вряд ли дожусь. Если он работает с людьми и пиарится, то ненастоящий. Наверно. Пиарится-то не так активно, как некоторые. Ладно, проверить не помешает.

Пока мы обсуждали насущное, лес погрузился во мрак. Я осмотрелась, но тропинку, разумеется, не увидела, только две шелестящие под редкими порывами ветра стены – древесную и папоротниковую. И горящие жёлтые глаза на затемнённом лице нечисти. И... вспомнила.

– Рада, – «нетопырь» чутко уловил мою мысль. Или её тень. – Не молчите.

– У проклятой ведьмы глаза – как у вас, – я зябко повела плечами. – Жёлтые... жгучие. В смысле...

– Они излучают силу, – он встал. – Пора возвращаться. Я провожу.

– Это плохо, да? – я не умела читать мысли, зато понимала настроение собеседника – пообщаться он хочет или сбегать, расположен к беседе или нет. «Нетопырь», ещё пять минут назад спокойно отвечавший на вопросы, теперь очевидно пытался уйти от разговора. – Почему?

– Она рискует стать кем-то... вроде меня, – неохотно

буркнул мой спутник и шагнул в папоротник. – Умереть и переродиться. Она на грани.

И больше мне не удалось выудить из него ни слова. «Нетопырь» молча и целенаправленно шагал по тропе к озеру, а я, спотыкаясь, брела за ним и обдумывала информацию. И самой ценной, несмотря на случайность, посчитала вчерашнюю фразу: «Люди меня не интересуют». А что интересует, если он нарушил порядок и объяснил человеку, что к чему?

Мы добрались до озера, и идти сразу стало легче. Сияла полная луна, высеребрив траву, купаясь в тёмной воде.

– В чём ваш интерес? – решила я, глядя в спину «нетопырю». – В этой истории – в чём ещё, кроме нарушенных ведьмой законов и угрозы тайне вашего мира?

Он неторопливо спустился с холма к озеру, остановился, поджидая, повернулся и посмотрел на меня в упор:

– Мои предки охотились на «бабочек» и считали своим долгом истребить их полностью, до последней куколки. Если они объявятся, я приду.

– Минуя запреты ведьм? – я вспомнила его вчерашнюю отмазку.

– Древние инстинкты нечисти сильнее любых заклятий, – и «нетопырь» продолжил путь, обходя озеро.

А я заметила, что прямо на вопрос он не ответил. Не захотел. Ладно, его право. Думать я умею.

– Вы сказали, что «бабочки» могут просочиться в наш мир вслед за ведьмой, – размышляла я, – то есть до меня до-

браться, да? Всё по той же колдовской тропе из писем? Через ведьму они могут узнать «адрес»? Сколько раз проклятой надо мне присниться, чтобы нечисть поняла, куда именно ведьма «отлучается»? Я в опасности? А мои близкие?

«Нетопырь» ускорился. Я, стараясь не отставать, перешла почти на бег. И расценила его молчание как согласие, а ускорение – как попытку замять тему. Но не на ту напал – и не от той драпает. И не таких ловила. Ещё ни один колдун не ушёл от ответа на мои вопросы.

Удобный момент настал, когда мы обогнули озеро, и «нетопырь» в три широких шага взлетел на пригорок. На втором шаге я «споткнулась» и с ойканьем взмахнула руками. Нечисть, будучи вежливым до мозга костей, как и предполагалось, моментально оказался рядом и подхватил меня под мышки. А я вцепилась в его плечи и, бесстрашно глядя в суровое лицо и тёмные очки, повторила вопрос:

– Я в опасности, да? Скажите честно!

– Испугаетесь, – пообещал «нетопырь» угрюмо.

– Испугаюсь, – согласилась я. – Но дело не брошу. Вы этого опасаетесь? Что я испугаюсь и забьюсь в угол, а без меня вы не выйдете на «бабочек»? А если ведьма сожрёт меня с потрохами и отыщет нового... проводника, то не факт, что он свалится прямо к вам в руки, и за «бабочками» придётся побегать, не зная, кто конкретно их приводит? А со мной всё просто и рядом, раз познакомились? – и нервно потребовала: – Говорите! Я не собираюсь сидеть в углу и ждать, когда

она решит, что я больше не нужна!

Он легко подхватил меня под мышки, повернулся и опустился на землю так, что мы почти уравнились в росте, и сдвинул очки на кончик носа. Я не стала жмуриться и правильно сделала – его глаза уже не горели нестерпимо, напоминая тусклый янтарь.

– Рада, – произнёс «нетопырь» мягко, – неужели вы верите каждому моему слову?

– Нет, – я качнула головой, – я собираю информацию. И я её проверю при первой же возможности. Но раз пока другого источника нет...

– ...выжимаете всё из того, что есть? – он улыбнулся. – Ваша взяла. Да, вы опасны. Если проклятая связалась с «бабочками», то первым делом они уберут вас – как путь к ней и своему логову. Но прежде они пойдут по вашим людским связям. Закончите дела и не общайтесь ни с кем. Людские отношения – те же тропы, как от проклятой к вам, понимаете?

Я кивнула и уточнила:

– А как их опознать? Вот у вас – глаза и движения...

– У них тоже глаза и движения. Чёрная радужка, почти закрывающая белок, у всех особей. Издали «бабочка» покажется человеком, но вблизи понятно, что нет. И – взгляд. Природой они запрограммированы на короткую жизнь, и мозгов нет, одни инстинкты. Взгляд будет или тупым, или бешеным. И запах – цветочная пыльца. Слабый, похожий на

духи, но человек учит.

– Это всё?

– Другого людям не заметить.

– А сила? – не унималась я. – Вот вы тени читаете, а они...

– ...быстро двигаются. Способны на короткие перелёты – с крыши на крышу, например. Могут ударить панической атакой – парализующим страхом, но этой магией владеют не все особи, а одна из сотни. Что-то ещё?

Я наморщила нос и решила:

– Подумаю.

– Подумайте.

«Нетопырь» проводил меня до участка председателя, и всю дорогу я напряжённо составляла вопросы, но мысли путались. Завтра бы поговорить...

– Сегодня ночью я исчезну, – отозвался он на мой мысленный запрос. – Перееду, раз из моего убежища сделали местную достопримечательность. Если у вас всё...

– Спасибо, – я слабо улыбнулась. – Не... не опоздайте, если вдруг что...

Он интеллигентно пожелал спокойной ночи и растворился во мраке. Я протёрла глаза и недоверчиво посмотрела туда, где только что маячила высокая фигура, но увидела лишь освещенную фонарями садовую аллею – «нетопырь» сделал буквально два шага и исчез. Вот так и уходят... в ночь. И, как нынче модно говорить... круто, чё.

Калитка была приоткрыта, а на нижнем этаже председа-

тельского дома, на кухне, горел свет. В окне темнели силуэты: муж с женой пили чай и о чём-то спорили. Проходя мимо, я махнула рукой: дескать, вернулась.

Председатель высунулся в окно и уточнил:

– Рада, вы остаётесь?..

– Нет, завтра днём уеду, – я с сожалением отказалась от отдыха. – Дела в городе.

– Жаль, – цокнул языком председатель и душевно пожелал: – Ну, снов вам хороших. Хоть завтра выпитесь.

Я улыбнулась, шаблонно ответила «доброй ночью» и ушла к себе. Включила чайник, открыла окно и сходила в душ. Переделась ко сну и с полчаса бездумно грызла печенье и пила чай, переваривая информацию. И лишь когда поставила на стол кружку, почувствовала, как меня накрывает – страхом, горячим и липким до испарины на коже. И сначала стало очень жарко. А потом – очень, до стучащих зубов и дрожащих рук, холодно.

Когда я в детстве сильно пугалась, бабушка советовала «перебояться». Забраться под одеяло и бояться, бояться, бояться – выпускать страх из себя, а не зажимать внутри. И я так и сделала. На негнущихся ногах ушла в комнату, закуталась в плед и думала, думала, думала... боялась. Дала страху волю, и он оглушал, скручивал мышцы болезненными спазмами, шумел в ушах.

Я всегда была... трусоватой. Боязливой. И сколько времени провела вот так – под одеялом, в моменте принятия...

Выпускные экзамены в школе, отъезд в большой незнакомый город, поступление в институт, первая ночь с парнем, первое собеседование, опять выпускные экзамены, первое интервью, первый разрыв отношений и первые дни одиночества в состоянии «сама за себя»...

Мама полушутя-полусерьезно говорила, что мне пора возить с собой спальный мешок как косметичку и, если приспичит, нырять туда, успокаиваться. Но, к счастью, мы живём не в советско-дефицитное время, и одеяло можно найти всегда. И всегда оно успокаивало. И всегда страх выходил, оставляя после себя трезвое осознание, принятие ситуации и готовность действовать. И всегда я упускала тот момент, когда боязнь выходила из пор потом, как жар болезни, и я открывала глаза... выздоравливающей.

Пропустила я этот момент и сейчас. Просто вдруг стало не хватать воздуха, и я откинула плед, вдохнула глубоко и жадно, выдохнула и поняла, что отпустило. Почти отпустило. Ни один из прежних страхов не имел ничего общего с нынешней ситуацией... но ведь и я не та, что прежде. И, чёрт возьми, должен же быть от моей работы хоть какой-то прок, кроме сомнительного финансового обеспечения. Мне должно хватить веры и в другой мир, и в свои силы и способности. И ни третьего не дано, ни второго... ни компота.

М-мать, что-то я... очкую.

Глава 5

*Говорят, некоторые сны – это другие реальности,
прорывающиеся в наше сознание.*

Сергей Лукьяненко «Последний Дозор»

Я проснулась рано – будильник напомнил о понедельнике. И сразу, едва он зазвенел, скатилась с постели и села на пол, чтобы опять не отключиться. И несколько минут сидела, обнявшись с одеялом, смотрела по сторонам и вспоминала. А потом зазвонил второй будильник, и я встала. Рваться в город на утренней электричке, конечно, бессмысленно – многие с дач ездят на работу, и я решила отправиться на двенадцатичасовой, с комфортом и в тишине. Тишина вообще сейчас была самой необходимой вещью. Ибо.

Умывшись и переодевшись, я сходила на завтрак и послушала за едой дачные сплетни: явления оборотня так и не случилось, погода радует, грядки требуют полива да по такой жаре почти каждый день, а тариф на воду опять хотят поднять... Я умяла сосиски с картофельным пюре и свежим салатом, выпила кофе, душевно поблагодарила и вернулась в свой домик – собираться.

Включить, чайник, упаковать вещи и уточнить в интернете расписание электричек – дело десяти минут. На голос председателя я выглянула в окно, спросила, отвезет ли он меня на станцию к двенадцати, услышала «без проблем», уточнила «рекламные» и «поддерживающие» темы для статей, закрылась, чтобы шум не отвлекал, налила чаю и при-

вычно зарылась в блокноты, перечитывая наброски и составляя планы статей. Работа всегда успокаивала.

В одиннадцать председатель стукнул в окно. Я вышла из домика, заперев дверь, и попрощалась с обитателями участка, включая дико стесняющегося Тимофея-младшего. По дороге до станции мы с председателем снова обсудили темы, по приезду я с запозданием (простительным, вспоминая прошлые события) подсунула ему на подпись документы, и расстались мы очень тепло.

– Обратня спугнули – честь вам и хвала, – с уважением сказал председатель. – Приезжайте ещё, будем рады. И местечко хорошее для отдыха всегда найдем.

Распрощавшись, я отправилась на станцию, купила билет и села на скамейку. И пятнадцать минут ожидания пролетели незаметно – за воспоминаниями. Надев наушники, я внимательно прослушала запись вчерашней беседы с «нетопырём», и его низкий простуженный голос, будничным тоном объяснявший невозможные вещи, действовал не хуже одежды или работы. В мир ведьм не просто верилось – я интуитивно чувствовала его существование. Наверно, я действительно что-то видела в детстве и привыкла к чудесному, но за взрослыми будничными делами ухитрилась об этом забыть.

Подошла электричка. Устроившись в полупустом вагоне, я посмотрела в окно на «разгоняющийся» лесной пейзаж, и подумала. Звонить бабушке или нет?.. А потом вспомнила предостережение «нетопыря» – не общаться по возможно-

сти ни с кем, не подставлять людей – и не решилась на звонок. Да, семья далеко, но кто её знает, эту нечисть. Лучше уж найти хорошую ведьму – ту самую, с левого берега. Ведьма – она и есть ведьма, а в моей семье полно обычных людей. Сама влипла – сама и выкручивайся. Опять же, дед всегда звонил, когда мне было плохо, как чувствовал. Если не звонит – значит, всё не так запущено... или они на даче, где нет нормальной связи.

В городе я ощутила себя неуютно ещё по одной причине: люди на работе, а я в обед собралась домой. Доехав на маршрутке от вокзала до центра, я даже подумала, не заглянуть ли в редакцию, чтобы восстановить пошатнувшееся душевное равновесие и вернуться в зону комфорта. Но опять вспомнила о намёках «нетопыря» и отправилась домой. Быстро написать статьи, сбежать в отпуск... и проверить информацию, да. А дальше – как карта ляжет.

Мимо «Чёрного призрака» я прошла оглядываясь и с сожалением. Взяла бы ноут с собой – поработала бы в кафе, но комп дома, то есть не судьба. А она, как выяснилось спустя час, когда я, заглянув в магазин и проклиная душную городскую жару, доползла до дома и поднялась на свой этаж, терпеливо ждала меня на пороге квартиры. На вытертом половике лежал свернутый гармошкой лист бумаги.

Поставив пакет на пол, я присела и посмотрела на «письмо». Да, вторая страница выпускной работы ведьмы, зуб даю. Бумага на мой настойчивый взгляд никак не прореагирова-

ла, и я осторожно взяла лист и частично развернула. «Глава 1» – предупреждал заголовок, выведенный крупными печатными буквами, а ниже струился знакомый нечитаемый почерк, дополненный выцветшими чернилами.

И снова здравствуйте, Гульнара... Отказывались вы от моей помощи, отказывались – и сейчас я бы с радостью ваше решение поддержала, но увы... Некто неведомый, похоже, крепко нас повязал – к сожалению или к счастью. Поживём – увидим.

Дома было отвратительно жарко и невыносимо душно. Открыв окна, я минут десять постояла у распахнутой настежь входной двери, ожидая, пока слабый, невесомый сквозняк вытянет из квартиры хотя бы духоту. Скорей бы дождь, что ли... Заодно позвонила Виталине Марковне и доложила о приезде. В ответ получила короткое «жду статьи» и решительно отодвинула в сторону лишние мысли. Работа, Рада. Остальные «сопли» – потом, когда не останется отвлекающих «хвостов».

Сходив в душ и отмокнув в прохладной воде, я сварила кофе, положила в большую тарелку мороженого, достала блокноты и устроилась с ноутбуком на кухне. Окно выходило во двор, но детские визги-писки мне никогда не мешали. Я остановилась на разминочной теме проклятых мест, глотнула кофе и с головой погрузилась в работу.

Время летело быстро и незаметно. Кончился кофе, доелось мороженое, дописался черновик первой статьи. Снова

сходив в душ и налив в кружку холодной воды, вторую статью я написала, стоя у подоконника. А третью строчила на полу в коридоре, постелив старый плед и открыв для сквозняка входную дверь.

– Радость, ты не заболела ли? – сердобольно осведомилась соседка, пожилая дама, «стилизованная» под княгиню конца девятнадцатого века.

Накрасившись и нарядившись, вооружившись цветастым зонтиком и звеня килограммами бижутерии, она, как обычно, отправлялась на вечерний променада на лавочку у подъезда.

– Увы, Ольга Сергеевна, – утомлённо отозвалась я. – Эта роскошь мне недоступна уже давно. Из командировки я сегодня вернулась, – пояснила, заметив озадаченный взгляд, – разрешили работать дома.

Соседка одарила меня привычным сочувственно-снисходительным взглядом – дескать, молодая же, гулять бы шла, – и величаво проплыла к лестнице. А я опять уткнулась в статью, решив сегодня сделать всё по максимуму. Восемь статей, конечно, не осилю, но хотя бы половину. А завтра – вторую, тем более посещение отца Вальпургия пока подвисало: заветное сообщение с записью на приём запаздывало. Можно, конечно, позвонить Вере Алексеевне и уточнить... Но я подумаю об этом завтра, да. Или вообще послезавтра, когда закончу с основной работой.

Закрыв черновик третьей статьи, я потёрла затёкший коп-

чик и невольно прислушалась к раздавшимся на лестнице шагам — тяжёлым, торопливым. Я пододвинулась и с любопытством выглянула из-за монитора, чтобы увидеть знакомую спину в синей майке, которую недавно наблюдала в «Чёрном призраке». Однако мир тесен...

Парень бодро ускакал через ступеньку на последний пятый этаж, и оттуда раздался звон ключей и скрип открываемой двери. Меня вдруг посетило навязчивое желание подняться следом и познакомиться, однако у нас такого повода, как у американцев, приходящих с тортиком тупо поглазеть на новичка, нет. Я прислушалась, но подъезд погрузился в тишину. И нахмурилась. Странное желание... Я бываю стеснительна в общении с противоположным полом, особенно если мне не надо с ним работать, и, как порядочный интроверт, не испытываю потребности знакомиться со всеми подряд и обсуждать погоду. Чудеса...

За тот час, что я напряженно корпела над статьей, в квартире стало свежее, но ненамного и ненадолго. Закрыв входную дверь и перебравшись в комнату, я вышла на крошечный балкон. Пыльный зной стоял осязаемой стеной, душной и раскалённой; тревожно-красное солнце зависло над крышами, обещая скорые сумерки, но без вожаемой прохлады. Так, три статьи есть, пора за четвёртую...

Вернувшись в комнату, я посмотрела на Ягу со товарищи и вдохновилась на «оборотня»: *там, на неведомых дорожках, следы неведомых зверей...*

Закончила я часам к двум ночи, когда поняла, что засыпаю над клавиатурой. Сохранив черновик пятой статьи и закрыв ноут, я в энный раз сходила в душ, прихватила с кухни кружку воды, пожелала Яге «ночи» и выключила свет. Уже завернувшись в простыню, сонно подумала, что даже не попробовала расшифровать малочитабельное послание Гульнары, но вставать поленилась. И быстро уснула.

Чтобы проснуться в городском парке, рядом со старинными креслами и шкафчиком. Я сидела в ворохе опавшей листвы – среди внезапной осени, уютной, закатной и сумеречно-сухой. А в кресле обреталась Гульнара. Длинное чёрное платье, шляпа с широкими полями, распущенные белые волосы – седые, как заметили Вера Алексеевна и «нетопырь». Плечи расправлены, руки на подлокотниках, нога на ногу – ведьма восседала в кресле, как царица на троне.

– Рад, ну зачем? – устало спросила она вместо приветствия. – Мы же так хорошо попрощались...

– Это вы у своего заклатья спрашивайте, – я встала с земли.

– Заклатье не проникнет в того, кто *не хочет*, – Гульнара качнула головой. – Оно выбирает того, кто готов помочь, – и вздохнула: – Да, негоже ведьмам лезть в дела людей... Но раз тебя уже просветили, то садись. Поговорим.

Я села в соседнее кресло и потянулась за блокнотом – просто по привычке, а он вдруг нашёлся, возник на коленях вместе с ручкой. Я раскрыла его и, предвосхищая очередную до-

зу упреков, деловито поинтересовалась:

– Что вы помните? О себе?

Ответом – тишина и весьма нецарственное сопение. Проклятая нервно стиснула подлокотники и пробормотала:

– Не помню...

– Тогда я расскажу всё, что узнала, – предложила я. – Вас зовут Гульнара.

– Да, – она резко повернулась ко мне. – Да, точно. Но в семье меня называли Гуней. В честь бабушки назвали, живой, и она дома была Гулей, а я... Да, моё имя. И давай на ты. Кажется, я не сильно-то тебя старше.

– Дома? – повторила я, цепляясь за её воспоминание. – Кого ещё вы... ты помнишь? Мама, папа, муж?..

– Нет, – её поза выражала сильнейшее напряжение. – Нет их. Давно. Может, не стало, а может... я сбежала. Не знаю. Не вижу. Рядом лишь...

– Кто? – я подалась вперёд.

– Брат, – из-под шляпы возбуждённо сверкнули бледно-жёлтые огоньки глаз. – Мы близнецы. Имя не помню, но мы похожи. Он ищет меня, – добавила уверенно. – Мы очень дружны... были. Очень. Он – колдун по-твоему. Заклинатель. С нечистью работает.

Я вспомнила треугольник-«особнячок», начерченный по рассказам «нетопыря» отдельно от триады «наблюдатели – ведьмы – нечисть».

– Он ищет меня, но найдет тебя, – предупредила ведьма. –

На тебе – моя тень, а он такое видит. Это... похоже на одержимость, но не совсем. Одержимость...

– ...две души в одном теле, знаю, – я кивнула. – А ты ещё жива. Ведь жива же?

– Да, иначе бы... всё. Духи ведьм не могут подселаться к человеку вторым «жильцом», это способности нечисти. Нет, прежние ведьмы умели – стародавние, но ненадолго – на час-два. А мы давно лишились нужных для этого знаний. И я жива, – ведьма расслабленно откинулась на спинку кресла. – Очень хотела в этом убедиться. Спасибо, Рада.

– Пять лет прошло, – вспомнила я её слова. – Как там, где ты находишься, получается учитывать время? И – где ты находишься?

– Не помню... – Гульнара снова сникла. – Почему именно пять лет – тоже... Но когда пытаюсь что-то вспомнить, перед глазами встаёт именно эта цифра.

Я рассеянно сделала в блокноте кое-какие пометки и осторожно спросила:

– Но вообще тебя реально найти?

– Да, – она опять расправила плечи и повернулась ко мне. Глаза из-под шляпы загорелись ярче прежнего. – Я оставляла следы. Я шла к цели, как по пещерному лабиринту, понимаешь? И на «поворотах» рисовала крестики-метки, чтобы те, кто пойдёт за мной, восстановили мой путь.

– Что за метки? – я приготовилась писать.

– Ты их не увидишь, – сообщила ведьма с сожалением. –

В тебе нет силы – и нет магического зрения. Но брат – он увидит. Да, – проклятая улыбнулась, – ты найдёшь место с меткой – почувствуешь, вычислишь по видимым человеку деталям и приметам, а брат найдёт мои следы. Только так.

– А другая ведьма... – начала я, но Гульнара перебила резко:

– Нет! Это опасно! Посмотри на меня! Нельзя подставлять других! Брат – заклинатель, он работает с нечистой и всё про неё знает. Он справится. А обычная ведьма может пропасть так же, как я. И ты – вместе с ней, понимаешь?

Я нахмурилась, но кивнула.

– Молчи обо мне, – предупредила она. – Никому не говори. Не рискуй. Иначе их жизни будут на твоей совести, Рада. Только ты и брат. И этот «нетопырь», если прибьётся. Не бойся меня, – попросила мягко. – Я не враг ни тебе, ни себе. Ни одна ведьма не услышала мой крик о помощи. Только ты. И, может, ты – мой единственный шанс спастись. Первый и последний. Я тебя не трону. Не бойся.

Теория проклятой звучала убедительно и логично, но мне в ней что-то не понравилось. И включилась журналистская интуиция, как и в случае с нечистой шепнувшая: «Проверь». Я слишком мало знаю, чтобы слепо верить, безоглядно соглашаться и отмечать запасной путь, указанный «нетопырём». Слишком эта история странная и опасная.

– Ты ведь защитишь мою тайну? – Гульнара наклонилась ко мне, сверкая глазами. – Не расскажешь?..

– А кому? – я посмотрела на неё с иронией. – Я даже не знаю, как отличить распиаренного экстрасенса от истинной ведьмы.

– Не расстраивайся, – в её голосе снова послышалась улыбка, – всё правильно. Так и должно быть.

И я вернулась к более актуальной теме:

– Как найти твои метки?

Проклятая побарабанила пальцами по подлокотникам и начала издали:

– Знаешь, а я помню то время... «бабочек». Обрывками, но помню. Я хотела работать с нечистой и долго выбирала тему. Их много живёт среди людей... особенно низших. Этих вообще от человека не отличишь – нормальные глаза, стандартная внешность. Живут лишь в два-три раза дольше, старятся позднее. А кроме них есть высшие, как твой новый знакомец. Они не умеют мимикрировать полностью, поэтому живут на отшибе, в глуши и обычно в одиночестве. Их очень мало. И есть те, кто посередине. Неотличимы от людей, но имеют магию и интересную особенность. Как «бабочки».

Я, уткнувшись в блокнот, делала пометки. Гульнара покосилась на меня и продолжила:

– Понимаешь, Рада, я не хотела изучать то, где веками паслось стадо мастодонтов. Я хотела... уплыть, – и в её хрипловатом голосе зазвучало вдохновение. – Не перекапывать в сотый раз один и тот же участок земли, ища то, чего нет,

а сесть на корабль и уплыть в туман, к новым землям – и к новым открытиям. Чтобы однажды вернуться, – и вдохновение сменилось злостью, – и показать этим старым кикиморам! Они же сидят в своих раковинах, скованные правилами и требованиями, как огня боятся наблюдателей и копаются в одних и тех же помоях! Поставили на всё малоизученное гриф «Секретно» и запрещают к нему даже близко подходить!

Отчасти я проклятую понимала. Собственно, поэтому-то меня ведьмино заклятье и зацепило – я тоже хотела запретной новизны в работе. И дохотелась... да, почти до проклятья. И тьфу-тьфу-тьфу...

– Ты не представляешь, каково это, – ведьма снова стиснула подлокотники, – туда нельзя, то не трогай... Всё самое интересное и увлекательное – за семью печатями. Единственное, что не прятали, – это сведения об истребленной нечисти. О якобы истребленной, – уточнила выразительно. – Репортируют всегда об одном, но через сто-двести лет то «ящерица» уничтоженная всплывёт, то... «бабочка».

Надо же, ещё и «ящерицы» есть...

– И эти дряхлые идиотки... Знаешь, как они живут? Как страусы. Спрятали голову в песок, подставили зад наблюдателям. Что угодно делать готовы, лишь бы их драгоценный Круг не трогали. Их же мало – истинных ведьм, – и рисковать они уже не хотят. И знать ничего не хотят, – её голос сочился горечью. – Я мечтала доказать, что они узко мыслят

– узко и примитивно. И не видят дальше собственного носа
– не обращают внимания на тех, кто прячется в тених.

Гульнара замолчала подавленно, и я шустро проанализировала её речь, делая заметки на полях.

Первое: «Дряхлые». Да, она должно быть молода. Очень молода, ибо для молодёжи и сорокалетние – старики.

Второе: «страусы» и «драгоценный Круг». С такой ненавистью говорят о том, чем хотят владеть, но не могут. О мечтательно-недоступном. Она хотела в Круг. И из-за этого выбрала сложную тему, чтобы её оценили и поскорее приняли на работу. Но не сложилось, и любовь сменилась лютой ненавистью. И мыслями о мести?.. Здесь я поставила знак вопроса. Да, и «мечтала доказать» сюда в принципе подходит. Но требует проверки.

Далее. «Узко и примитивно» – поразительная самоуверенность и самонадеянность. Не буду слушать старших, пойду и пересчитаю любезно подложенные судьбой грабли. И найду то, что спрятали, исключительно из вредности. У меня это прошло, когда я уехала от семьи поступать в университет, причём буквально за полгода. Под хрустальным колпаком ты, что ли, жила всегда?.. Но бед точно не знала. Битые судьбой в глупости не лезут, даже если им кровь из носу надо доказать, что они самые-самые. Наблюденческое ИМХО, да.

– Для тебя любой собеседник – открытая книга?

Я вздрогнула, отвлекаясь. Проклятая, придвинувшись, заинтересованно заглядывала в мои записи.

– Нет, конечно, – я смутилась. – Просто речь... Речь – это зеркало. Человек может чего-то не помнить или скрывать истину, но то, какие слова он подбирает, с какими интонациями их произносит, как строит фразы, говорит о многом. О воспитании и образовании, о темпераменте и мироощущении... И об ощущении себя в мире. Основы психологии из учебного курса, – пояснила неловко, – словесный портрет собеседника. Чтобы понимать, о чём спрашивать, на какие точки давить...

Гульнара одобрительно кивнула и заметила:

– Интересно. Знаешь, Рада, нам говорили, что люди не владеют силой и лишены тайной магии. А выходит, ведьмы ошибаются. И ничего-то они о вас не знают, гусеницы надменные. У нас ведь душа – это сфера сила, специальные навыки и заклятья. Которые помогают проникнуть в чужую душу и вывернуть её наизнанку. Ведьмы тратят на это уйму времени и сил, учатся годами, а ты послушала меня пять минут, взяла свой писчий скальпель, препарировала и разложила мою душу на бумаге. Впечатляет.

– Это часть моей работы. Предположения, которые могут оказаться правдой, а могут подвести в самый ответственный момент, – и я поспешила вернуться к прежней теме: – Итак, ты нашла тех, кто прячется в тених?

– Да, – в голосе проклятой зазвучала гордость. – Я перерыла в архиве всё, что касалось якобы истреблённой нечисти. Выяснила досконально особенности, вычислила люби-

мые места обитания, узнала, какие они оставляют следы. И в итоге остановилась на «бабочках». Понимаешь, это уникальная нечисть, самая живучая из всех, когда-либо обитавших в нашем мире. Например, есть «змея» – кажется, убил её, а она шкуру сбросила и утекла кровью под землю, чтобы там отлежаться, сформироваться заново и вернуться даже более сильной, чем прежде.

Я посмотрела на ведьму недоверчиво, а она подтвердила: – Это правда – малая часть правды. О большей ты никогда не узнаешь, и скажи спасибо. Не дело людей вникать в дела нечисти – вы слишком хрупкие. Беззащитные. И являетесь... материалом. Патентованная нечисть вынуждена жить на «воде» – на растворённых в мире тёмных человеческих эмоциях. А вот запрещённая, которой по колено ведьмовские запреты, и съесть может, и частичку души личинкой в человеческое тело отложить, чтобы там вызрело потомство, как, например, «мухи» делают. Или, как «бабочки», использовать тело вместо кокона, чтобы вылупиться.

Я испуганно сглотнула. По коже побежали неприятные мурашки.

– Как же они... – я запнулась. – И среди нас?..

– Вот для этого и нужны ведьмы, – просто ответила Гульнара. – Чтобы вы не знали, кто обитает рядом. И чтобы даже не подозревали, какой опасности подвергаетесь каждую минуту.

– Ладно, – я тряхнула головой, отгоняя мерзкие мысли. –

Вернёмся к «бабочкам».

– И они же – наши бараны, – она улыбнулась. – Я нашла их следы, Рада. Я исколесила всю страну, изучая подходящие для «бабочек» места, и нашла следы здесь, в городе. Их ни с чем не спутать и ничем не прикрыть. Когда «бабочки» ищут подходящее тело, то снуют повсюду в виде одноименных насекомых, но! – и проклятая красноречиво подняла указательный палец в знак внимания. – Не каждый человек обладает нужными знаниями, чтобы обратить внимание на странную бабочку.

– То есть к нам залетело то, что в наших широтах не водится? – благодаря дяде я немного понимала в повадках этих членистоногих и чешуекрылых. – Какой-нибудь махаон?

– В точку, – Гульнара удовлетворённо щёлкнула пальцами. – Подвид *ussuriensis*, самый крупный махаон, обитающий в Приморье.

– Светлый и с двумя красными точками на краях крыльев у... хвоста? – дядя, что бы я без тебя делала... Не зря ты три недели гонялся за этой заразой, а потом радостно приседал мне на уши.

– В одной из расцветок. Но для тех, кто не в курсе, это просто бабочка. Крупная, необычная, но мало ли нас окружает вещей, на которые мы не обращаем внимания, или, обращая, не придаём им значения?

...а потом платим за это, читалось в подтексте. Я зябко повела плечами.

– Я изучала специализированную прессу, – продолжала ведьма, – и искала странные случаи, ведь ученые или увлечённые любители не могут не заметить насекомое, которому не должно обитать там, где оно оказалось. Особенно зимой.

Ну да... Без комментариев.

– И я штудировала Сеть – посты, фотографии, замечания. Я жила этим... лет семь, пока не нашла, что искала. Здесь, – она хлопнула ладонью по подлокотнику кресла, – в этом парке, был сделан очень любопытный снимок. Конец весны девятого или десятого года. Цветущая сирень. Центральный парк открыт после затяжной реконструкции, о которой трубят все городские газеты. Длинные статьи и чёрно-белые снимки – клумб, скамеек, кустов. И на одном кусте сидело вот это.

Гульнара протянула левую руку, и на тыльной стороне её ладони мягко расправило крылышки обсуждаемое насекомое. Тёмная паутинка линий, светлые «прожилки», чёрное кружево окантовки крыльев с красными точками внизу, у «хвоста».

– Ничего не замечаешь? – в голосе проклятой послышалось лукавство.

Я отрицательно мотнула головой и пожала плечами.

– Тогда посмотри сюда, – и на второй её руке возникла другая бабочка.

Разница была видна невооруженным взглядом. Очень похожи, но вторая мельче, изящнее, и на нижних крыльях, кро-

ме красных, нашлись и синие пятна, по шесть штук с каждой стороны. И густое кружево верхних крыльев – не сплошь чёрное, а полосатое: тёмная полоса края – светлые пятна – серая полоса – опять чёрная – и опять крупные светлые пятна. И последний ряд перед тельцем – вперемешку: серое пятно, чёрное, светлое, чёрное...

Я рассматривала бабочек с толикой неприязни. Вот за что люблю Сибирь, так за то, что здесь полгода зима плюс четыре месяца подготовки к ней, и насекомых очень мало, если не считать снежных «мух». При дяде я своё отношение сначала скрывала, а потом поняла, что ему пофиг. Как любая увлечённая натура, он часами показывал и рассказывал – и слушал лишь себя, и любовался своей коллекцией сам.

Первая бабочка шевельнула крыльями, и я вздрогнула, отшатнувшись. Крылья двигались асимметрично, вразнобой – одно шло вверх, а второе вниз. И при этом паутиная вязь растеклась по крыльям, как пролившиеся чернила, меняя рисунок, и на секунду мне померещилась чужая морда лица – прищуренные чёрные глаза без белков, противная ухмылка...

– Заметила, да? – стряхнув вторую бабочку, Гульнара ловко схватила первую и сунула её в карман платья. – А люди не видят. Привычные образы так давно стали частью человеческой жизни, что детали уже не заметны, лишь смутный образ отмечается краешком мозга, когда возникает в поле зрения. И нечисть всю этим пользуется.

Я поёжилась.

– Когда «бабочка» подселается к человеку, то, захватывая тело, она теряет крылья. Конечно, со временем их замечает пылью и землей, но если знаешь, где примерно случилось подселение, то выкопать крылья несложно. Это и есть главный след. Капризы природы и время над ними не властны.

– В парке? – мне стало не по себе. Я же там каждый день хожу и в ус не дую...

– Да. И на месте нахождения первой пары крыльев я оставила первую же зацепку-метку. С тех пор полянка с сиреневыми кустами могла измениться сто раз... а могла остаться прежней. Смотри, Рада. Здесь и сейчас – смотри. Найди деталь, которая выбивается из общей картины. Она укажет на место – на реальное место в реальном парке. И на направление поисков. Только так я могу что-то подсказать, – она грустно вздохнула. – Извини. С памятью... очень плохо. Я смутно помню лишь отдельные места, где находила доказательства и оставляла метки. И так и... пропала. Вы, пройдя тем же путём, найдёте меня. Должны найти. Как и доказательства моей правоты.

– Почему ты не сообщила о находке ведьмам Круга? – я встала.

Её смешок был горьким и злым:

– А я сообщила. Я собрала доказательства. Я же просто хотела предупредить об опасности... – Гульнара откинулась на спинку кресла и сердито фыркнула: – А они меня высме-

яли! Высмеяли и выгнали в шею! Для них моих данных оказалось недостаточно! Они мне не поверили!

– И ты пошла искать доказательства поубедительнее? – догадалась я.

– Да, – сухо подтвердила ведьма. – И оказалась там... где оказалась.

– «Нетопырь» сказал, от тебя пахнет некой нечистью, – я осматривала парк. – То есть нашла?..

– Вероятно. Не помню. Использовать моё тело и силу нечисть не может – «уголь» защищает нас от одержимости, – но перед их магией я уязвима, как обычный человек, – проклятая зачем-то поправила шляпу и равнодушно пояснила: – Если «бабочек» много, если они врезали по мне панической атакой... Да, вполне возможно, что это воздействие разрушило некоторые участки моего мозга, и я... потерялась. Но я жива, и меня можно найти. Ищи, Рада. Пожалуйста. Найди меня.

Я не ответила, озираясь. Сухая листва летом – это нормально, у нас всегда плохо убирались, да и лето такое жаркое, что кое-где деревья начали желтеть по-осеннему. Кусты – обычные, вдоль аллей. Небо тоже обычное – вечерне-закатное. Воздух... ничем не пахнет, как и в любом сне. А вот деревья, вернее, одно конкретное... За кустами в хаотичном порядке зеленели берёзы и рябины, и среди них сверкало... что-то. Из-за густых ветвей не разобрать, что именно, но деревья точно не светят – ни ранним вечером, ни вообще. Фо-

нарь?

– Время, – голос Гульнары стал тусклым, безжизненным. – Пора.

Я обернулась. Она сидела в кресле, сжавшись и сторбившись по-старушечьи.

– Будильник. Слышишь? Он зовёт обратно. Не выключай его. Заведи на все дни, пока... ищешь. Пусть звенит напоминанием. Я соскучилась по общению и могу надолго задержать тебя здесь. А нельзя. Ты не выдержишь – можешь и не проснуться. Если нашла деталь, уходи. Как в прошлый раз, – и сипло напомнила: – Только не рассказывай обо мне, ладно? Хватит и нашей с братом помощи. Я оставлю подмогу. Символ поиска. И буду приходить с новыми письмами, отвечать на твои вопросы, а он...

Моей руки коснулась лёгкая щекотка, и, опустив голову, я заметила на коже быстрый росчерк тёмной молнии – и крыльев. А проклятая осторожно встала, держась за подлокотник, посмотрела на меня и велела:

– Просыпайся.

И я проснулась. Выключила голосащий будильник, потёрла саднящую кожу на внутренней стороне левого запястья и обнаружила там... компас. Или циферблат. В общем, стрелки и странные буквы незнакомого алфавита, чёрной татуировкой въевшиеся в покрасневшую кожу. Вот те и «бабочки»...

Потянувшись, я села и заметила на диване новый блок-

нот – тот самый, из сна, с конспектами. И это вместе с подмогой-«компасом» ударило по моим малоподготовленным мозгам похлеще недавнего разговора с нечистью. Почему-то. «Нетопыря» легко представить человеком, а это... волшебство. Удивительное, невообразимое, непостижимое... реальное до одури.

Я хрипло поздоровалась с Ягой и подошла к окну. На улице разгорался рассвет, а перед моими глазами стоял закатный парк – и ведьма в кресле, будто персонаж из старого романа и иного времени. А рядом...

Интересно, мне показалось, или рядом с ней мельтешила мрачная крылатая тень?..

Глава 6

*Магия есть обращение необходимой энергии
на достижение естественных сдвигов.*

Чак Паланик «Колыбельная»

Знакомая, привычная до тошноты работа – единственный якорь, способный крепко удерживать человека в его реальности.

Этот нехитрый постулат я вывела давным-давно и сегодня опять убедилась в его чудодейственности. Час напряженного сопения над очередным рекламным «шедевром», завтрак, короткая «отписка» в ватсапе от мамы («Да, всё в порядке, всех целую»), вычитка вчерашних статей за кофе – и моз-

ги встали на место, и утренние сюрпризы показались... да, нормой. Одно странное событие, встроившись в ряд бытовых дел, успешно под них мимикрировало, растеряв прежние признаки волшебства. И мне с одной стороны полегчало, а с другой стало обидно. Вот так люди и теряют веру в сказки...

Встав по будильнику в полвосьмого утра, я проветрила хату, и, пользуясь утренней свежестью, села дописывать статьи. И не люблю, когда висит «хвост» из несделанного, и не хочу, чтобы шефа отвлекала потом от основной проблемы. Рекламу ж ещё утверждать с заказчиком, и, дай бог, председатель не будет цепляться к тексту и просить переписывать.

К двум часам дня я закончила работу. Пообедала пельменями, вышла с чашкой кофе на балкон, полюбовалась на вечно бегущий, суетливый город и решила немного подремать. Никуда по такому пеклу не пойду – ни ведьму добывать по плану «нетопыря», ни в парк. А вот вечером, после шести-семи, когда жара спадёт... Наверно, в парк. А к ведьме – как только, так сразу.

Шефа не беспокоила, и я беспрепятственно проспала до пяти вечера, переждав жару в самом лучшем из миров. И, что удивительно, мне ничего не снилось. В голове каша, в жизни – бардак, грозящий перерасти в катастрофу, но спала я глубоко, крепко и без тревожных сновидений. Может, и здесь не обошлось без ведьмы.

Время парка, впрочем, пришло нескоро. Поглазев в окно

и рассудив, что после работы на прогулку выбежит тьма народу, плюс соберутся мамыши с детьми да бабушки, я решила отправиться на разведку часов в девять-десять. И в ожидании позднего вечера сделала одно за другим два важных дела. Во-первых, вычитала и подправила все статьи, выслав их шефе и перекрестившись. А во-вторых, залезла в старые конспекты. В мыслях занозой сидели слова Гульнары из первого разговора – о том, что пара истинных ведьм мне попала. И я даже предположила, кто именно. И хотела проверить. Если не получится найти «нетопыриную» ведьму, то...

Облом после тщательных разборов записей был ожидаемым. Тех двоих, кто не рвался на интервью и не звенел на оном килограммами амулетов, между делом находя на мне тысячу сглазов и один венец безбрачия, я вспомнила хорошо, но помочь они ничем не могли. Ни одна.

Первая ведьма звалась Ланой, и с ней я встретилась в последний год практики. Шефа окучивала её давно, но ведьма упрямо отказывалась от любого сотрудничества. А потом вдруг позвонила – мне, напрямую. Спросила, дома ли я и может ли она подъехать. Я растерялась и брякнула: мол, конечно. А сама сорвалась не то с лекции, не то с консультации, и рванула домой. Мы встретились у подъезда, сели на лавочку, и минут пятнадцать она вещала. Я не успела задать ни одного вопроса, только слушала да записывала – в блокнот и на диктофон.

Договорив, Лана встала и ушла не прощаясь. А я, очну-

шись, обнаружила три крайне неприятные вещи. Во-первых, я не помнила ни лица ведьмы, ни слова из её речи. Да-да, ни одного, хотя на память не жалею. Теперь, после объяснений «нетопыря», понятно, что это отвод глаз, но тогда... Во-вторых, в блокноте записей не было – ни строчки. А на диктофоне обнаружилась невразумительная муть – очень тихий и бессвязный набор звуков.

Виталина Марковна, прослушав запись и мой заикающийся отчёт, велела забить и забыть. Ведьмы, мол, на то и ведьмы, чтобы гадости делать. И я действительно забыла – случай мигом выветрился из памяти, пока не понадобился. А Лана, как позже выяснилось, умерла – на следующей день после «интервью». Шефа, записи, конечно, сохранила – она каждую строчку цифрует и сканирует... Наведаться в редакционную библиотеку и найти диктофонную запись?.. По теории «нетопыря» наша встреча могла быть predetermined.

Вторую ведьму величали Вестой, и ей прочили лавры Ванги – всё та же слепая девочка-провидица. На момент нашей встречи ей было лет двенадцать-тринадцать. Она рисовала и тем самым предсказывала будущее. Мы к ней приехали вместе с шефой: мать Весты очень хотела поведать миру о даре ребёнка. Но вместо предсказаний мы получили полнейший игнор и несколько изрисованных ромбами, кругами и прочими треугольниками альбомных листов. Само собой, Виталина Марковна «предсказания» припрятала: дескать, вырастет малая да как прогремит на весь мир, а у нас – её первые

работы. Эксклюзив.

Но Веста так и не прогремела. Пока. Спустя год или два мать по советам врачей увезла дочку на юг, в более мягкий климат. Шефа следила за судьбой маленькой прорицательницы, но явно не получала никаких интересных сведений. Последние года три, перебирая на планёрках всех «неохваченных», мы о ней даже не вспоминали. И шиш я её найду.

Перебрав залежи записей и по каждому конспекту вспоминая конкретный случай (и их немного оказалось, да: Виталина Марковна мне интересных людей года три как доверила, а прежде я сочиняла бред про «превращенцев» и иже с ними), я не нашла других закрытых людей и странных случаев. Только отец Вальпургий подпадает под теорию вероятных истинных магов. Пиарится мало, бежит от прессы как чёрт от ладана... Надо брать. Кто знает...

За поисками время пролетело незаметно, и, когда я убирала блокноты в ящик комода, по стенам уже расползлись вечерние тени. Наспех поужинав и переодевшись в майку и бриджи, я отметила время – полдевятого, прихватила сумку, попрощалась с Ягой и отправилась в парк. Зря, скорее всего, Гульнара же говорила, что у меня зрение для поисков не магическое, но... Это лучше, чем сидеть дома в ожидании не то следующего письма, не то таинственного брата ведьмы.

Народу в парке хватало. Обнимающиеся парочки и задумчивые одиночки, мамы с колясками и папаши, увешанные детворой, галдящие бабушки и читающие дедушки. Много-

вато для разведки... А впрочем, «что обо мне подумают» существует лишь у нас в голове. Люди эгоистичны и в девяноста процентах случаев думают только о себе, а в остальных десяти – о тех, с кем они связаны, и то лишь потому, что связаны. И до тех, кто шныряет рядом, им нет никакого дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.